

А.В. ГАНИН

АТАМАН
А.И. ДУТОВ

Андрей Владиславович Ганин

Атаман А. И. Дутов

Серия «Россия забытая и неизвестная»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=620715

Атаман А. И. Дутов: Центрполиграф; Москва; 2006

ISBN 5-9524-2447-3

Аннотация

Вниманию читателей впервые представляется научная биография атамана Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенанта Александра Ильича Дутова. Она дается на широком фоне военно-политической истории России периода революционных потрясений с введением в научный оборот большого пласта архивных материалов, которые ранее не были известны историкам. А. И. Дутов показан сильным региональным лидером и политическим деятелем общероссийского масштаба, который по справедливости должен занять свое место в ряду таких белых вождей, как Деникин, Врангель, Колчак, Семенов, Юденич. Книга является 61-й по счету в книжной серии, выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием под названием «Россия забытая и неизвестная». Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-

политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

Содержание

Введение	5
Глава 1	41
Оренбургское казачество в последней четверти XIX – начале XX в	41
Род и семья Дутовых	77
Молодые годы	85
Глава 2	90
Училище. «Царская сотня»	90
В Академии Генерального штаба	111
После неудачи	125
Великая война	139
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Андрей Владиславович Ганин Атаман А. И. Дутов

*Памяти Вячеслава Михайловича Войнова
(1958–1993) – основоположника современного
изучения истории антибольшевистского движения
оренбургского казачества*

Введение

«Грозно и властно гудит вечевой колокол казачества. С далекого Дона несется звон его... Становись казак плотнее. Пусть красный, малиновый, синий и желтый лампасы покажут всему миру, что жив еще казак, живо его огневое сердце, жив дух, и быстро течет его свободная кровь, и нет силы свалить эту вековую общину... Вольные станичники слышат набат, и звуки его радостны им. Русь великая, Русь тихая, сермяжная, Русь православная, слышишь ли ты набат казачий? Очнись, родная, и ударь в своем старом Кремле-Москве, во все колокола, и твой набат будет слышен повсюду. Сбрось великий народ ярмо чужеземное, немецкое. И сольются звуки вечевых казачьих колоколов с твоим Кремлевским перезвоном, и Русь великая, Русь православная будет целой и нераз-

дельной. Бей в набат, русский народ, бей сильней, зови сынов своих, и будем все мы дружны за Русь святую...» – писал Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант Александр Ильич Дутов в своей поэме «Набат», призывая казаков на борьбу с большевиками¹.

Наверное, каждый в нашей стране, хотя бы в школьные годы, так или иначе слышал об атамане Дутове. Его образ присутствует и в художественных произведениях. В частности, яркий портрет Дутова был создан А.Н. Толстым в трилогии «Хождение по мукам» при описании банкета в Самаре летом 1918 г.: «Напротив него сидел тучный, средних лет, военный с белым аксельбантом. Яйцевидный череп его был гол и массивен, как оплот власти. На обритом жирном лице примечательными казались толстые губы: он не переставая жевал, сдвинув бровные мускулы, зорко поглядывал на разнообразные закуски. Рюмочка тонула в его большой руке, – видимо, он привык больше к стаканчику. Коротко, закидывая голову, выпивал. Умные голубые медвежьи глазки его не останавливались ни на ком, точно он был здесь настороже. Военные склонялись к нему с особенным вниманием. Это был недавний гость, герой уральского казачества, оренбургский атаман Дутов»². Портрет яркий, но вызывающий отвращение и вдобавок пестрящий неточностями. Летом 1918 г. Дутов не мог носить аксельбант, поскольку еще не был причислен к Генеральному штабу (это произошло в апреле 1919 г.), что же касается пассажа о рюмке – оставляю

его на совести Толстого, поскольку оренбургский атаман вообще не употреблял спиртного.

Образ Дутова встречается и в других художественных произведениях³. О спецоперации по ликвидации атамана был снят двухсерийный художественный фильм «Конец атамана», который, по данным на 1972 г., посмотрело около 30 миллионов зрителей⁴. Дутов, в исполнении В.И. Стрельчика, предстал перед зрителями в карикатурном виде как неуравновешенный и истеричный человек.

Несмотря на обширный поток современной литературы о Гражданской войне и непосредственно о Белом движении, в массовом сознании отложилась лишь пара-тройка фактов о жизни и деятельности легендарного атамана: в лучшем случае то, что он был казаком, непримиримым борцом с советской властью и что был убит чекистами. Иногда о Дутове говорят пропагандистскими штампами еще советских времен как о яром монархисте, развязавшем кровавый террор на Урале и т. п. И все. Обусловлена такая ситуация в том числе и тем, что из всех вождей антибольшевистского движения атаману Дутову с биографами повезло меньше других.

В советской историографии существовал значительный пласт общих работ как по истории Гражданской войны, так и непосредственно по истории Гражданской войны на Урале. Разумеется, в такого рода работах Дутов фигурировал хотя бы потому, что масштабы его личности не позволяли вообще не упоминать о нем, как это было с менее знаменитыми

участниками Белого движения, однако в СССР о Дутове писали как о враге и вдобавок крайне поверхностно, а возглавленное им движение именовали специально придуманным термином «дутовщина» (кстати, наличие этого термина подчеркивает значимость выступления оренбургского атамана в глазах большевиков)⁵, причем рецидивы подобной терминологии отчасти сохранились и в постсоветской историографии⁶. Политическая программа Дутова считалась реставрационной⁷. Порой создается впечатление, что советские историки специально изощрялись в том, кто наиболее хлестко обзовет оренбургского атамана. Как только его не называли – и «врагом народа»⁸, и «отпетым монархистом»⁹, и представителем «черносотенной военщины»¹⁰. Не заслуживающим внимания представляется и распространенное утверждение о членстве Дутова и ряда других высокопоставленных деятелей Белого движения на Востоке России в некоей строго законспирированной монархической организации¹¹.

Весьма характерно абсурдное высказывание И.И. Минца, утверждавшего, что «свою ненависть к революции Дутов переносил и на всю страну, в которой она началась и развивалась»¹². Тот же автор почему-то называл Дутова «царским генералом»¹³, хотя к февралю 1917 г. Александр Ильич дослужился лишь до чина войскового старшины. По мнению В. Булаха, «Дутов был обычным посетителем шикарных каба-

ков и тоже пил, пил много»¹⁴, хотя на самом деле, как я указывал, атаман не пил вообще. По заявлению Г.В. Пожидаевой, Дутов был орудием в руках американских и англо-французских империалистов и «целиком находился на их содержании»¹⁵. Н.К. Лисовский отметил, что «Белоказачье войсковое правительство, так же как и другие контрреволюционные правительства России, находилось в полной зависимости от империалистов США, Англии и Франции, беспрекословно выполняло их волю»¹⁶. Он же писал, что мятеж Дутова «являлся частью общего плана борьбы кадетской буржуазии и англо-американских империалистов против Советской республики»¹⁷. Приведенные цитаты наглядно демонстрируют уровень изучения деятельности Дутова и истории антибольшевистского движения оренбургского казачества в советский период.

Разумеется, насколько позволяла внутрисполитическая обстановка, предпринимались попытки более серьезного изучения движения Дутова. Одними из первых работ, специально посвященных этой теме, стали изданные в 1930-х гг. труды Ф.Г. Попова и С.М. Петрова¹⁸. Указанные авторы попытались проанализировать причины активного участия оренбургского казачества в контрреволюции, придя к выводу о том, что причины эти коренились в зажиточности казачества и широкой популярности в нем с 1917 г. идей автономизма. Отдельно от начатой Поповым и Петровым ис-

ториографической традиции следует рассматривать фундаментальное военно-научное исследование В.Ф. Воробьева, которое сохраняет свою научную значимость и по сей день¹⁹. Работа Воробьева еще в 1930-х гг. была написана с широким привлечением документов обеих противоборствующих сторон и является достаточно объективной, чего нельзя сказать о произведениях Попова и Петрова.

Следующая по времени издания работа по истории «дутовщины» появилась в СССР лишь в 1964 г. и принадлежит перу уральского историка Н.К. Лисовского²⁰. Разумеется, Лисовский при написании своей книги руководствовался идеологическими установками своего времени, не утруждая себя ссылками на документы, которые бы подтверждали выдвигавшиеся им против белых обвинения. По мнению этого автора, на стороне Дутова «в конце концов... осталась лишь казацко-кулацкая верхушка, офицерство и незначительная часть реакционно настроенных середняцких масс казацких станиц»²¹. Решающими условиями успеха в борьбе с «дутовщиной» Лисовский назвал руководство народными массами коммунистической партии во главе с Лениным и безграничную веру в партию советских людей.

Наконец, первой и последней по-настоящему серьезной советской работой о движении Дутова в целом, несмотря на некоторые фактические неточности, следует считать монографию М.Д. Машина²². Машин сумел подготовить инте-

ресное исследование, основанное в том числе и на документах антибольшевистского лагеря и содержащее значительный фактический материал. Он пришел к выводу о том, что казачество не являлось сплошь контрреволюционной массой, как считалось ранее. Нельзя не отметить, что подобный вывод сделан Машиным в результате значительного преувеличения степени революционности казачества. Казаки, по мнению Машина, под влиянием пролетариата и большевистской партии пришли к прочному союзу с рабочим классом. Едва ли можно согласиться с такой точкой зрения. Этой работой, по сути, и завершается вся советская историография проблемы.

Нельзя не отметить, что единственный эпизод биографии Дутова, которому в советской историографии было уделено сколько-нибудь пристальное внимание, – это спецоперация по ликвидации атамана, причем интерес к обстоятельствам этой первой из целого ряда осуществленных советскими спецслужбами зарубежных ликвидаций сохраняется вплоть до настоящего времени²³. Многие годы спустя после убийства Дутова в советской печати можно было наблюдать негласное соперничество различных ведомств и организаций, ставивших успех операции в заслугу именно своим сотрудникам.

Несмотря на наличие необходимой источниковой базы в архивах СССР, специальных работ, посвященных жизни и деятельности Дутова, исключая более или менее однотипные

энциклопедические статьи²⁴, по вполне понятным причинам в советской историографии до 1989 г. создано не было, однако такие работы были написаны в годы Гражданской войны на неподконтрольной большевикам территории России, а также в русском зарубежье.

Первым по времени издания серьезным очерком жизни и деятельности Дутова является его официальная биография, выпущенная в 1919 г. в Троицке, бывшем тогда административным центром Оренбургского казачьего войска (прежний центр, Оренбург, был занят красными)²⁵. Собственно, биографическая часть этой брошюры предельно апологетична, но для исследователей это издание ценно не столько как исследование жизни и деятельности оренбургского атамана, сколько как источник, так как сведения для него, по всей видимости, давал сам Дутов, а в приложении к этой биографии опубликовано значительное количество документов о деятельности Дутова.

С окончанием Гражданской войны относительно свободное изучение биографии Дутова было возможно лишь в среде русской эмиграции. В роли первых биографов атамана с краткими очерками выступили оренбургские казацки генералы И.Г. Акулинин (иногда под псевдонимом «Оренбурец») и А.В. Зуев²⁶. Однако эти люди, лично знавшие Дутова или являвшиеся его соратниками по борьбе, не могли быть полностью беспристрастны в своих оценках, не ставили сво-

ей задачей написание исчерпывающего труда об оренбургском атамане, да и по объективным причинам отсутствия в их распоряжении необходимых документов просто не могли это осуществить. Помимо этого в эмиграции было написано еще несколько незначительных очерков о Дутове, а также работ общего характера, в которых содержались сведения о разных эпизодах его жизни²⁷. Вышла и малоизвестная брошюра «Генерал Дутов: Биография и деяния. Воспоминания соратников» (Харбин, 1928), единственный известный экземпляр которой сохранился во Владивостоке. К сожалению, в ходе работы над книгой мне не удалось ознакомиться с содержанием этой брошюры.

Разумеется, для участников Белого движения Дутов являлся священной фигурой, это связано с тем, что оренбуржцы достаточно быстро растворились в среде русской эмиграции, а подавляющее большинство ветеранов Белой борьбы знало об оренбургском атамане только понаслышке. Реального человека подменил искусственно созданный штамп. Точно такой же штамп, только с противоположным знаком, существовал и в СССР (Это утверждение автора, пожалуй, излишняя дань объективистскому подходу, тем более что вся книга рисует А.И. Дутова как выдающегося деятеля эпохи 1917–1920 гг. Вряд ли к тому же оценки этой личности белыми и красными равно удалены от истины. — *Ред.*).

Непросто проходил процесс реабилитации имени Дутова на родине атамана. На излете советской эпохи партийные

функционеры, справедливо опасаясь возможных репрессий за свою деятельность, позволили публиковать в партийной печати материалы, в том числе и о Белом движении²⁸. Однако тут же, на всякий случай, публиковались и материалы прямо противоположного характера. Нельзя не отметить одну из таких работ, касавшуюся биографии Дутова. Автор этой заметки, член Союза писателей СССР Ю. Никифорова, осенью 1990 г. писал: «Свыше 70 лет нет царя, а вот царегугодничество... сохраняется... Вот, к примеру, до сих пор иные «наследники» бредят по белоказачьему предводителю А.И. Дутову. Нам заново²⁹ живописуется его образ, только на этот раз «опускается» его практическая деятельность, а на передний план выдвигаются штрихи к портрету (привычки, мысли, анкета). И незаметно на свет божий предстает чуть ли не прогрессивный деятель, да вот и не дали большевики развернуться таланту, прервали его бурную работу за «общечеловеческую мораль и нравственность»... Дутов, захватив Оренбург, держался не на любви к себе со стороны простых людей, а на штыках, на терроре и насилии... Можно бы привести еще немало фактов, рисующих совсем в иных красках образ белоказачьего атамана, у которого находятся ныне сердобольные «адвокаты», одновременно испытывающие явную ненависть к подлинным героям, чей ратный подвиг был отмечен Почетным революционным Знаменем ВЦИК»³⁰. Такой подход, казалось бы, должен остаться в без-

возвратном прошлом, однако и в современной отечественной историографии все же довольно часто встречаются рецидивы советского периода.

Лишь с конца 1980-х – начала 1990-х гг. после открытия доступа к архивным фондам по истории Белого движения, ослабления, а затем и отмены партийного идеологического диктата в СССР, а после его распада и в России стало возможным непредвзятое изучение жизни и деятельности Дутова. Однако поздняя советская и постсоветская историография деятельности Дутова вплоть до настоящего времени представлены в основном энциклопедическими, популярными или в лучшем случае научно-популярными статьями небольшого объема, подавляющее большинство которых, даже несмотря на свою краткость, содержат сведения, имеющие мало общего с действительностью³¹. Ошибки некоторых авторов красноречиво свидетельствуют о непрофессиональном подходе к рассматриваемым вопросам. Один из наиболее оригинальных примеров – превращение в претендующих на историзм работах писателя В.Е. Шамбарова одного из участников ликвидации Дутова К.Г. Чанышева сразу в двух человек³². Справедливости ради отмечу, что научно-популярному жанру отдал должное и автор этой книги, впрочем впервые введя в научный оборот ряд документов о Дутове³³.

По-настоящему заслуживающими внимания можно на-

звать только несколько публикаций о Дутове и отдельных аспектах его жизненного пути. Среди авторов такого рода работ нельзя не упомянуть безвременно ушедшего из жизни талантливого оренбургского историка, основоположника современного изучения антибольшевистского движения оренбургского казачества В.М. Войнова, ставшего первым биографом атамана еще в СССР. В 1993 г. И.Ф. Плотниковым была опубликована небольшая статья о взаимоотношениях Дутова и Колчака, основанная на изучении пяти сохранившихся писем Дутова к Колчаку. Кроме того, вызывает интерес основанная на материалах дальневосточных архивов статья хабаровского исследователя С.Н. Савченко о поездке Дутова на Дальний Восток в 1919 г.³⁴

Исследованию движения Дутова посвящена кандидатская диссертация Н.А. Чирухина³⁵. Однако следует учитывать, что эта работа была написана в начале 1990-х гг. на волне демократической эйфории, что отразилось на оценках автора, и охватывает лишь период до ноября 1918 г. Автор провел большую работу и привлек значительный объем архивных документов, придя к выводу о том, что эскалация Гражданской войны вынудила Дутова пойти на свертывание демократических начал и ужесточение политического режима, установление военной диктатуры. Несмотря на добросовестность проведенного исследования, с такими выводами согласиться нельзя, поскольку режим Дутова никогда не был диктатурой в полном смысле этого слова. Кроме того, если не

принимать во внимание начальный период борьбы в конце 1917-го – начале 1918 г., когда Дутов еще не обладал реальной властью в войске, его режим практически не изменил своего политического облика.

В статье близкого к ФСБ журналиста А.Е. Хинштейна и сотрудников Центрального архива ФСБ (ЦА ФСБ) А.Т. Жадобина и В.В. Марковчина в газете «Московский комсомолец-воскресенье» впервые опубликованы до сих пор недоступные для исследователей документы ВЧК из архива ФСБ и изложена официальная версия обстоятельств ликвидации Дутова³⁶. В 2005 г. депутат Государственной думы А.Е. Хинштейн, правда, уже без соавторов опубликовал в своей книге «Подземелья Лубянки» очерк «Конец атамана», написанный с привлечением документов ЦА ФСБ³⁷. В основе очерка все та же статья из «Московского комсомольца», впрочем до крайности популяризированная и сдобренная низкопробными сравнениями, видимо призванными, по мнению этого автора, воссоздавать историческую атмосферу³⁸.

В 2000-х гг. опубликовано несколько серьезных работ о Дутове. Это статья оренбургского историка Д.А. Сафонова «Легенда о «казацьем мятеже», в которой рассмотрены различные трактовки начального периода борьбы Дутова и предлагается авторская точка зрения, основанная на архивных данных. Уральский историк Е.А. Плешкевич в небольшой статье провел сравнение жизненного пути А.И. Дутова

и Г.М. Семенова. По мнению Плешкевича, офицеры казачьих войск взяли на себя руководство казачьим движением в связи с отсутствием в казачьих войсках сколько-нибудь значительного слоя интеллигенции. Автор статьи, отметив, что оба атамана честно выполняли свой долг, почему-то затруднился ответить на вопрос, поставленный в заглавии статьи, — являются ли они героями или предателями Отечества? Нельзя не отметить книгу уже упоминавшегося В.В. Марковчина «Три атамана», первая часть которой посвящена поездке Дутова на Дальний Восток и ликвидации атамана. Работа Марковчина, несмотря на ряд ошибок, представляет, прежде всего, археографический интерес, поскольку в ней опубликованы некоторые по-прежнему недоступные даже для специалистов документы о деятельности Дутова из ЦА ФСБ. Еще одно исследование — статья К.Э. Козубского и М.Н. Ивлева, анализирующих различные версии обстоятельств ликвидации Дутова, в том числе на основе документов, ранее опубликованных В.В. Марковчиным и его соавторами³⁹. Авторы использовали далеко не все свидетельства о ликвидации оренбургского атамана, с равной степенью доверия относясь в том числе и ко вторичным, а то и вовсе основываясь на исследованиях и даже на художественных произведениях, что является грубой ошибкой и не дает возможности отделить реально произошедшие события от позднейших, в том числе идеологических, наслоений.

Как видим, многие из перечисленных выше работ, и да-

же лучшие из них, страдают разного рода недостатками. Так, исследования В.М. Войнова, написанные в конце 1980-х – начале 1990-х гг., неравноценны. Наиболее серьезными биографическими очерками о Дутове, принадлежащими его перу, являются статьи в журнале «Уральский следопыт» и в энциклопедии «Политические деятели России 1917», опубликованные в 1993 г. Тем не менее на данный момент даже эти работы уже во многом устарели, поскольку за прошедшие с момента их написания 10–15 лет появилась возможность по-другому и значительно глубже исследовать жизнь и деятельность оренбургского атамана. Кроме того, в публикациях Войнова о Дутове практически ничего не говорится о деятельности будущего атамана до революции, между тем до 1917 г. прошла большая часть его жизни. В.М. Войнов в силу обстоятельств не успел реализовать многое из того, что было им задумано в научной сфере. Если бы не преждевременная смерть, возможно, именно он стал бы автором первой биографии Дутова, поэтому я посвящаю эту книгу его памяти. В отношении более поздних работ, за исключением основательных статей С.Н. Савченко и Д.А. Сафонова, нельзя не отметить крайнюю узость их источниковой базы, ограничивающейся либо только опубликованными материалами (К.Э. Козубский и М.Н. Ивлев), либо документами какого-либо одного архива (только ЦА ФСБ в работе В.В. Марковчина). Добавлю, что в настоящее время лучшей энциклопедической статьей о Дутове, на мой взгляд, является

статья из биографического справочника Е.В. Волкова, Н.Д. Егорова и И.В. Купцова⁴⁰.

До сих пор объективных оценок деятельности Дутова в период 1917–1921 гг. встречать не приходилось. От апологетических публикаций начала 1990-х гг. в последние годы произошел резкий переход к совершенно неоправданному гиперкритицизму в отношении оренбургского атамана и всего, что с ним связано. Например, челябинский историк Е.В. Волков считает, что Дутов «не являлся тонким, дальновидным политиком и способным военачальником... совмещал несколько постов, являясь и атаманом, и председателем войскового правительства, занимаясь при этом и другими вопросами. Отсюда эффективность решения многих из них оказалась невысокой. Атаман не сумел найти общего языка и с башкирским национальным движением... его армия не имела крупных военных успехов на протяжении всего 1919 года... ни сам А.И. Дутов, ни генералы из его окружения большими военными талантами не обладали. Они оказались не подготовлены к затяжной вооруженной борьбе внутри страны и мыслили категориями из книг военных теоретиков, разработавших тактику и стратегию позиционных войн (!? – А. Г.)... Штаб А.И. Дутова... не имел представления об особенностях гражданской войны...»⁴¹. Хотя в подобных упреках и есть некоторая доля правды, думается, все же объективная картина происходившего была иной.

Разумеется, исследование жизни и деятельности Дутова

потребовало привлечения не только работ предшественников, непосредственно писавших о самом атамане или возглавленном им движении, но и различных исследований общего характера по истории России конца XIX – первой четверти XX в. Дать характеристику каждому из этих произведений в рамках введения не представляется возможным. По мере необходимости такие оценки приведены в основном тексте.

С сожалением приходится коснуться и отрицательных сторон современной отечественной исторической науки, в которой все шире процветают явления, совершенно несовместимые с честью историка. Я не буду касаться современного состояния сообщества отечественных ученых-историков, а остановлюсь лишь на анализе опубликованных работ. И если публицистические по своей направленности статьи и книги (как, например, книга А.Е. Хинштейна) могут научным сообществом не восприниматься всерьез и не подвергаться всесторонней критике, то научные или научно-популярные работы подлежат всесторонней и беспощадной критике. Одно из распространенных вопиющих явлений в «научных» исследованиях можно сравнительно мягко назвать заимствованием архивных ссылок, когда добросовестные исследователи с немалым трудом и значительными временными затратами добывают бесценный материал в архивах, а менее добросовестные просто заимствуют из их работ ссылки на этот материал и выдают их за свои. К примеру, связанная

с темой этой работы книга челябинских краеведов А.В. Априлкова и Л.А. Попова⁴².

Помимо недобросовестности некоторых авторов нельзя не отметить и крайнюю необъективность подходов, встречающуюся в целом ряде работ. Прежде всего, речь идет об упоминавшихся выше рецидивах советской пропаганды⁴³. Если к такого рода работам можно относиться как к курьезам, порожденным успешным воздействием на умы советской пропагандистской машины, то новомодные тенденции в фундаментальных исследованиях не могут не настораживать. Одной из них стало привнесенное из современной западноевропейской исторической науки пренебрежительное отношение к проблемам военно-политической истории, которую некоторые исследователи называют даже тупиковым направлением, сами допуская при этом фактические ошибки в тех вопросах, которые считают недостойными изучения⁴⁴. Хочется верить, что отечественная историческая наука со временем изживет эти негативные черты.

Что касается зарубежной историографии, то в отношении биографии Дутова она ничуть не лучше написанного об оренбургском атамане в советский период. Одной из первых работ, в которых упоминается Дутов, является пропагандистская книга американского коммуниста Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир», снабженная предисловиями Ленина и Крупской. Ее автор утверждал, что «казачье

движение повсюду проявляло себя как антисоциалистическое и милитаристское. Его вождями были дворяне и крупные землевладельцы, такие, как Каледин, Корнилов, генералы Дутов, Караулов и Бардижи...»⁴⁵. Разумеется, подобное заявление не соответствует действительности – крупными землевладельцами вожди казачества не являлись. Дутов хотя и был дворянином, но, как указано в его послужном списке, вообще не имел никакого недвижимого имущества⁴⁶.

Разумеется, книга Рида не может считаться сколько-нибудь серьезным исследованием, однако даже в солидных зарубежных научных изданиях встречаются многочисленные неточности в изложении биографии Дутова. К примеру, публикатор документов Троцкого (Бронштейна) в одном из комментариев искажил даты жизни Дутова и почему-то назвал его атаманом сибирских казаков⁴⁷. По мнению составителей «Словаря русской революции», Дутов родился не в 1879-м, а в 1864 г., а был убит не 6–7 февраля, а 7 марта 1921 г. (по непонятной причине эти же ошибки распространены и у отечественных авторов), командовал Южной армией Колчака (на самом деле, несмотря на кажущуюся хаотичность переименований, Дутов последовательно командовал Юго-Западной, Отдельной Оренбургской, Оренбургской, а позднее вновь Отдельной Оренбургской армиями), наступление которой «в конце концов провалилось отчасти из-за неспособности войск Дутова соединиться с белыми войсками на Юге

под командованием А.И. Деникина»⁴⁸. Составители указанного справочника, очевидно, имели слабое представление об обстановке весны – лета 1919 г. на востоке России, о которой, по всей видимости, вели речь, если полагали, что войска Дутова в одиночку могли решить ту задачу, с которой в итоге не справился весь Восточный фронт белых.

Некоторые ошибки авторов этого справочника повторил современный британский ученый Джонатан Смил – автор весьма солидного и интересного исследования о Гражданской войне в Сибири, написанного, к сожалению, без использования материалов российских архивов. Он, в частности, назвал армию Дутова Южной, указав, что Ставка Дутова в период подготовки весеннего наступления 1919 г. находилась где-то в тургайских степях к востоку от Оренбурга (на самом деле – в городах Орск и Троицк) и что армия Дутова подчинялась Колчаку лишь номинально из-за отсутствия коммуникаций после потери узловой станции Кинель⁴⁹. Между тем существовал телеграф, телефон и другие способы связи, так что возможности для передачи приказов были обширными, а сами приказы и оперативные сведения достаточно быстро для того времени передавались и на существенно большие расстояния, нежели между Омском и Троицком. К примеру, телеграмма о взятии Царицына была отправлена генерал-квартирмейстером штаба Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России Генерального штаба генерал-майором Ю.Н. Плющевским-Плющиком 4

июля 1919 г., а уже 7 июля она была получена в Омске адмиралом А.В. Колчаком⁵⁰.

Еще один современный западный автор, Р. Пайпс, утверждает, что «на Юге действовали уральские и сибирские казаки и башкирские части, все под командованием атамана Александра Дутова»⁵¹. Мало того что такая характеристика является откровенно примитивной, она еще и не соответствует действительности – основу войск Дутова составляли оренбургские, а никак не сибирские казаки. Западные авторы также преуспели в создании образных, но, как правило, негативных характеристик Дутова. Так, Ричард Лакетт почему-то назвал Дутова человеком «с жестокостью и низким коварством»⁵². По оценке автора книги о Колчаке Питера Флеминга, Дутов – «полный, с глазами спаниеля, невзрачный низкорослый человек»⁵³. Довольно поверхностные и часто ошибочные суждения о Дутове содержит книга чешского историка С. Ауского⁵⁴. Канадский историк Н. Перейра ставит Дутова в один ряд с остальными казачьими атаманами и полагает, что он отметился «как неутолимой жаждой грабежей и крови, так и полным презрением к гражданской власти и надлежащему судопроизводству»⁵⁵. Подобная оценка не только не основана на каких-либо документах, но и вообще не имеет ничего общего с действительностью. В целом необходимо отметить, что западная историография изобилует различными оценками личности Дутова, в основном в

работах обобщающего характера, но не создала целостной и сколько-нибудь достоверной картины его жизни и деятельности.

Итак, серьезной научной биографии Дутова на широком фоне военно-политической истории России периода революционных потрясений до сих пор не создано. Более того, задача полномасштабного изучения жизни и деятельности оренбургского атамана ранее исследователями не ставилась. В этой связи по меньшей мере странным кажется утверждение одного из современных уральских историков, что «в изучении политических проблем революции 1917 г. на Урале трудно в ближайшее время ожидать каких-то прорывов»⁵⁶. Изучение жизненного пути Дутова как раз и дает уникальную возможность проанализировать целый комплекс сложнейших проблем истории России переломного периода, совершив подобный прорыв. В своей работе я попытаюсь на широкой источниковой базе решить эту задачу.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что с конца 1980-х гг., когда были сняты ограничения на доступ к архивным коллекциям по истории Белого движения, по сей день не появилось ни одной основанной на этом уникальном материале специальной работы ни по истории антибольшевистского движения оренбургского казачества в целом, ни по отдельным аспектам этой темы. Некоторое исключение составляют лишь диссертация Н.А. Чирухина, охватывающая лишь события до осени 1918 г. и к настоящему времени уже

во многом устаревшая, а также моя предыдущая книга о генерале А.С. Бакиче, в которой антибольшевистское движение оренбургского казачества рассмотрено с осени 1918-го по 1922 г. В данной работе через призму биографии атамана Дутова предпринята попытка более подробного рассмотрения истории борьбы оренбургских казаков с большевиками с момента зарождения антибольшевистского движения и значительно более широкой и крайне сложной проблемы участия казачества в революции и Гражданской войне.

Полноценное исследование жизни и деятельности Дутова было бы невозможно без многолетней предварительной работы над некоторыми аспектами его биографии, а также над биографиями соратников Дутова по антибольшевистской борьбе – генералов И.Г. Акулинина, А.С. Бакича, И.М. Зайцева, полковника Ф.Е. Махина и других вождей антибольшевистского движения оренбургского казачества. Результаты этой работы нашли отражение в ряде моих публикаций и книге⁵⁷. Но не подлежит сомнению и то, что биография Дутова куда более многогранна по сравнению с биографиями окружавших его офицеров или чиновников. Дутов – это не только и даже не столько военный деятель, сколько политик, деятельность которого самым существенным образом отразилась на военно-политической, социально-экономической и даже культурной жизни Южного Урала периода 1917–1919 гг. Сознвая невозможность одинаково подробно проанализировать все три весьма значительные составляющие

деятельности оренбургского атамана, я делаю акцент на первой из них как на наиболее значимой в условиях Гражданской войны, стараясь по возможности рассмотреть и остающиеся.

На мой взгляд, Дутов являлся одновременно как сильным региональным лидером, так и политическим деятелем общероссийского масштаба, который по справедливости должен занять свое место в ряду таких белых вождей, как А.И. Деникин, П.Н. Врангель, А.В. Колчак, Г.М. Семенов, Н.Н. Юденич. Вследствие своей ранней гибели Дутов не успел, в отличие от некоторых из упомянутых выше руководителей антибольшевистской борьбы, написать воспоминания, крайне мало воспоминаний сохранилось и о нем самом. Во многом именно по этим причинам оренбургский атаман до сих пор остается на втором или даже на третьем плане. С другой стороны, сама по себе биография Дутова достаточно специфична. В отличие, к примеру, от адмирала А.В. Колчака Дутов никак не проявил себя на научном поприще, не прославился, в отличие от многих других видных деятелей Белого движения, в годы Первой мировой войны (правда, Дутов тогда был лишь штаб-офицером). Дутова невозможно охарактеризовать однозначно с положительной или отрицательной стороны, его фигура крайне противоречива и многогранна. Как человек он, видимо, может быть назван посредственностью. В то же время те процессы, в которые он оказался вовлечен самым ходом событий 1917–1921 гг., имели определяю-

щее значение для истории нашей страны и поэтому не только важны и интересны для изучения, но и крайне неоднозначны. Значимость этих процессов придает больший вес и фигуре самого атамана.

Все это в совокупности предопределяет значительную сложность написания биографии казачьего вождя, о деятельности которого сохранилось мало ярких свидетельств. Поэтому проведение такого исследования предполагает, на мой взгляд, максимально полное ознакомление со всем корпусом документов и материалов о деятельности Дутова, в противном случае целые периоды его жизни могут быть упущены. Разумеется, жизнь Дутова не следует рассматривать саму по себе, как некую последовательность его поступков или перечень должностей, которые он занимал. Она интересна и значима лишь в живой взаимосвязи с той средой, которая сформировала оренбургского атамана как личность, с теми общегосударственными и региональными процессами, в которых он участвовал, а иногда и направлял, и, наконец, с возглавленным им в 1917–1921 гг. мощнейшим антибольшевистским движением. Тупиковыми мне представляются подходы к оценке личности Дутова, предложенные как его сторонниками, так и его противниками, то есть огульное восхваление или такое же огульное очернение. Задачей историков является, на мой взгляд, проведение максимально объективного исследования, – в противном случае мы никогда не сможем понять главного – почему в Гражданской войне победили

красные? Впрочем, это лишь один (быть может, самый важный) из многих вопросов, дать ответ на которые будет возможно на основе непредвзятого исследования. Именно по этой причине я постарался не руководствоваться какими бы то ни было заранее готовыми схемами, которые, как показывает опыт предшественников, все равно будут пересмотрены последующими исследователями, а подготовить исследование, максимально приближенное к фактам, предложив читателю самостоятельно оценить положительные и отрицательные черты самого Дутова как лидера, а также возглавляемого им движения.

Основу работы составили свыше четырехсот единиц хранения из 141 фонда семнадцати архивов России и зарубежья: Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного военного архива (РГВА), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного исторического архива (РГИА), отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), бывшего Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК, ныне – РГВА), Государственных архивов Новосибирской (ГА-НО), Оренбургской (ГАОО), Пермской (ГАПО, предоставлены М.Г. Ситниковым) и Ульяновской (ГАУО) областей, Центра документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННЮО), Государственного архива Хабаровского

края (ГАХК), архива библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (БФРЗ), архива департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по городу Алматы (АДКНБ РК по городу Алматы), Гуверовского архива войны, революции и мира, Бахметьевского архива российской и восточноевропейской истории и культуры, а также частных архивов⁵⁸.

Использованные в работе источники можно разделить на следующие группы: 1) делопроизводственные документы (нормативная, протокольная, отчетная документация, деловая переписка), 2) документы личного происхождения (воспоминания, дневники, личная переписка), 3) материалы периодической печати. К первой группе относятся хранящиеся в РГВИА послужной список и аттестация Дутова, журналы военных действий, документация 1-го Оренбургского казачьего Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, в котором Дутов служил в годы Первой мировой войны, другие служебные документы Дутова. Кроме того, это приказы, инструкции, аналитические записки, следственные материалы, журналы военных действий, боевые расписания, кроки, карты и схемы боевых действий частей и соединений Оренбургского казачьего войска, Юго-Западной и Отдельной Оренбургской армий, а также соседних Отдельной Уральской и Западной армий, приказы Верховного Правителя и Верховного главнокомандующего и его начальника штаба, приказы по Оренбургскому военному округу, Юго-

Западной, Отдельной Оренбургской и Отдельной Семиреченской армиям, а также делопроизводственные документы РККА из собраний РГВА и ГА РФ. К этой группе источников также можно отнести протоколы Войсковых Кругов и окружных съездов Оренбургского казачьего войска за период 1917–1919 гг., позволяющие выявить позицию казачества по основным военно-политическим и хозяйственным вопросам, воззвания, указы Войскового правительства, журналы заседаний Комуча, документацию Временного Сибирского и Временного Всероссийского правительств, Российского правительства адмирала А.В. Колчака, публикации оперативных документов⁵⁹, показания атамана Б.В. Анненкова, касавшиеся прихода армии Дутова в Семиречье, и другие следственные документы (являющиеся, надо сказать, весьма специфическим и очень сложным источником), в том числе впервые вводимые в научный оборот документы следственного дела генерала А.С. Бакича и его соратников из Государственного архива Новосибирской области, а также материалы судебного процесса социалистов-революционеров⁶⁰. Служебная переписка Дутова и его соратников по борьбе хранится в собраниях РГВА, ГА РФ и ГАОО. Прежде всего, это письма самого Дутова, а также письма, обращенные к нему. Особый интерес представляет переписка атамана с Верховным Правителем адмиралом А.В. Колчаком (по своему характеру она может быть отнесена и к личной) и другими крупнейшими военно-политическими деятелями белого

лагеря М.В. Алексеевым и А.И. Деникиным. Мной использованы многочисленные телеграммы и донесения оперативного характера различных частей и соединений Юго-Западной, Отдельной Оренбургской и Южной армий.

Документы личного происхождения, использованные мной, также достаточно обширны и разнообразны, поэтому охарактеризую лишь важнейшие из них. Одним из наиболее ценных и сложных источников является неопубликованный мемуарный свод по истории антибольшевистского движения на востоке России, написанный однокашником Дутова и его сослуживцем Генерального штаба генерал-майором С.А. Щепихиным⁶¹. Думаю, не будет ошибкой и по ценности и по объему приравнять труды Щепихина к знаменитым «Очеркам Русской Смуты» А.И. Деникина. В рамках рассматриваемой темы наиболее интересны следующие мемуарные очерки Щепихина: «Уральское казачье войско в борьбе с коммунизмом», «Под стягом Учредительного Собрания», «Сибирь при Колчаке» и «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака».

К сожалению, мемуары Щепихина, которые по праву должны быть основополагающим источником для историков Гражданской войны на востоке России, до сих пор практически не опубликованы и почти не привлекали внимания даже специалистов, что существенно обедняет и без того немногочисленные работы по данной теме. Отмечу, что знакомство со служебными документами Щепихина периода Граж-

данской войны позволяет считать его позднейшие мемуары весьма достоверным источником в отношении излагаемых фактов.

Особенно интересны и колоритны психологические портреты и характеристики сослуживцев Щепихина, в изобилии встречающиеся на страницах его воспоминаний. При этом, разумеется, необходимо вносить некоторый поправочный коэффициент, поскольку оценочная часть мемуаров Щепихина крайне субъективна – генерал Щепихин во всех окружающих видел в основном только негативные черты, что позволяет судить о болезненном самолюбии автора.

Весьма ценным является неопубликованный военно-исторический очерк начальника штаба отдельной Оренбургской казачьей пластунской дивизии Генерального штаба полковника А.Ю. Лейбурга «Южная армия Восточного фронта в 1919 году»⁶². Работа Лейбурга, являясь мемуарно-исследовательской (такого рода исследования вообще были довольно широко распространены) по своему характеру, касается прежде всего военных вопросов. Автор критически оценивает деятельность Дутова на посту командующего Отдельной Оренбургской армией.

Личной можно назвать переписку Дутова с генералом А.С. Бакичем, относящуюся к периоду 1920–1921 гг.⁶³ Анализ обнаруженных мной писем Дутова позволяет сделать выводы о характере взаимоотношений между вождями Белого движения на востоке России, в письмах содержатся важные

сведения о планах белых вождей, положении их отрядов после интернирования на территории Китая. Неопубликованные воспоминания и дневники оренбургских казачьих офицеров А.О. Приданникова и И.Е. Рогожкина отражают взгляды младшего офицерского состава на происходившие события⁶⁴. Значительный интерес представляют опубликованные мемуарно-исследовательские работы помощника Дутова Генштаба генерал-майора И.Г. Акулинина, воспоминания военных и политических деятелей большевиков К.К. Байкалова (Некундэ), А.И. Верховского, Г.Д. Гая (Бжишкяна), П.А. Кобозева, Н.И. Кирюхина, П.П. Собенникова, М.Н. Тухачевского; башкирских политических и военных деятелей А.-З. Валидова (З.-В. Тогана) и М.Л. Муртазина, политика и ученого И.И. Серебренникова, потомка русских эмигрантов В.И. Петрова⁶⁵. Взгляды социалистов-революционеров отражены в воспоминаниях участников антибольшевистского движения, вошедших в сборник «Гражданская война на Волге в 1918 г.»⁶⁶. Значительный интерес вызывают воспоминания бывшего юнкера Ф.И. Елисеева о деятельности Дутова в Оренбургском казачьем училище⁶⁷. Широко использовались в работе опубликованные воспоминания и дневники генералов В.Г. Болдырева, А.П. Будберга, К.Я. Гоппера, Д.В. Филатьева, Б.А. Штейфона, представителей младшего и среднего офицерского состава Н.Н. Голеевского, Н. Дутова, И. Еловского, Г.В. Енборисова, К. Носкова, С.Е. Хитуна,

военного врача Л. Головина и многих других участников событий⁶⁸.

Помимо документов личного происхождения при написании работы использовались материалы периодической печати. Особое значение для раскрытия темы представляет официальный орган оренбургского Войскового правительства газета «Оренбургский казачий вестник», выходившая последовательно в Оренбурге и Троицке в 1917–1919 гг. Материалы газеты содержат богатый фактический материал о событиях на Южном Урале периода революции и Гражданской войны, а также статьи и заметки аналитического, публицистического и мемуарного характера. Орган оренбургских меньшевиков, газета «Рабочее утро», также представляет значительный интерес, поскольку отражает взгляды оппозиции Дутову. Всего в работе использовано около 30 различных наименований газет, выходивших в основном в годы Гражданской войны на востоке России. К этой группе источников можно отнести также пропагандистские материалы и публицистику, в том числе статьи самого Дутова.

Одной из основных особенностей источниковой базы как по биографии Дутова, так и по истории антибольшевистского движения оренбургского казачества является ее плохая сохранность, разрозненность и фрагментарность. Отсутствие необходимых документов далеко не всегда позволяет перепроверить те или иные сведения и порой вынуждает полагаться на сохранившиеся источники. Публикации до-

кументов, касающихся Дутова, можно буквально пересчитать по пальцам (характеристики некоторых из них приведены в примечаниях к основному тексту). Крайне мало материалов сохранилось о деятельности Дутова до Гражданской войны. Период до 1917 г., помимо служебных документов, освещают в основном лишь официальная биография атамана и воспоминания его однокашника С.А. Щепихина. Если официальная биография представляет собой апологию деятельности Дутова, то воспоминания Щепихина, наоборот, содержат уничтожающую критику. Преодолеть дуализм этих двух источников практически не представляется возможным. Впрочем, о подавляющем большинстве полковых командиров Первой мировой войны мы можем знать только по их, как правило, крайне отрывочным и скудным служебным документам. В этой связи ситуация с документами Дутова не является исключительной.

Весьма противоречивы данные о выдвижении Дутова на политическую авансцену в начале 1917 г., почти нет достоверных сведений о той роли, которую будущий атаман должен был сыграть в выступлении Л.Г. Корнилова. В отношении дальнейшей деятельности Дутова ситуация немногим лучше. По всей видимости, безвозвратно утрачен ценнейший личный архив Дутова, содержавший наиболее значимые для атамана бумаги, в том числе письма Колчака и всю служебную и личную переписку атамана за период Гражданской войны. Хотя часть писем и сохранилась в документах адре-

сатов Дутова, а также в документах войска, тем не менее подобная утрата значительно осложняет изучение внутривойска курса оренбургского атамана и его взаимоотношений с другими военно-политическими деятелями Белой России. Почти не сохранилось документов о деятельности Дутова осенью 1919 г. до его отъезда в армию, а также о пребывании атамана в начале 1920 г. на посту Главного начальника Семиреченского края.

В целом за годы Гражданской войны по разным причинам погибло или было утеряно огромное количество самых разнообразных документов, представляющих интерес для раскрытия темы. Некоторые материалы, например, из архива ФСБ или из зарубежных архивохранилищ остаются практически недоступными даже для специалистов. Основной массив сохранившихся до наших дней документов – это трофеи, захваченные частями РККА у белых при наступлении на Урале, в Средней Азии и в Сибири. Часть документов сохранилась в Русском заграничном историческом архиве в Праге и в 1946 г. была передана в Москву. Восполнить существующие пробелы автор попытался путем максимально широкого вовлечения в оборот всего, что уцелело до наших дней и представляет интерес в рамках данной темы. Подавляющее большинство документов вводится в научный оборот впервые.

Все даты до 1 (14) февраля 1918 г. приведены по старому стилю. Документы цитируются и публикуются в соответ-

ствии с современными правилами орфографии и пунктуации с сохранением стилистических особенностей оригинала, явные ошибки исправлены без оговорок, разбивка цитируемых документов по абзацам не сохраняется. При подготовке этой книги автор задался целью создать исчерпывающий свод данных об оренбургском атамане и событиях, связанных с его деятельностью, поэтому хотел бы заранее извиниться перед читателями за порой достаточно обширные цитаты, приведение которых считаю необходимым для наиболее точного отражения фактов прошлого.

Выражаю особую благодарность моему учителю к. и. н. О.Р. Айрапетову, а также В.Б. Каширину и А.С. Кручини-ну, взявшим на себя труд ознакомиться с рукописью и высказавшим ценные замечания. Искренне благодарен за содействие И.В. Домнину, А.В. Марыняку, П.Н. Стрелянову (Калабухову), к. и. н. В.Ж. Цветкову (Москва), к. и. н. В.Г. Семенову (Оренбург), М.Г. Ситникову (Пермь); сотрудникам архивов и библиотек, оказывавшим содействие в работе над книгой: Т.Ю. Бурмистровой, Ю.В. Киреевой, Д.П. Шергину (РГВИА), Е.В. Дорониной, В.Н. Кузеленкову (РГВА), С.В. Богданову (РГИА), Н.И. Абдулаевой, Л.И. Кулагиной, Д.А. Мальцеву, Л.И. Петрушевой, Л.А. Роговой, А.А. Федюхину (ГА РФ), Е.Н. Косцовой, Л.А. Савиной, Т.В. Судоргиной (ГАОО), В.А. Шокову (ЦДНИОО), С. Аносову (департамент Комитета национальной безопасности Республики Казахстан по городу Алматы), Р. Булатоффу, К. Лиден-

хэм (Гуверовский архив войны, революции и мира), Т. Чеботареву (Бахметьевский архив российской и восточноевропейской истории и культуры) и П. Полански (Библиотека им. Гамильтона Гавайского университета). Глубоко признателен историческому альманаху «Белая гвардия» (Москва), В.Г. Бешенцеву (Оренбургская обл.), к. и. н. Е.В. Волкову, И.В. Купцову (Челябинск) и к. и. н. В.Г. Семенову (Оренбург) за предоставленные для публикации фотоматериалы.

Автор обращается к потомкам участников антибольшевистского движения оренбургского казачества с просьбой в целях наиболее полного и достоверного восстановления исторических событий присылать копии сохранившихся документов (в том числе фотографии и рисунки) периода Гражданской войны и эмиграции. Автор с благодарностью примет любые дополнения и уточнения по тексту данной книги. Все материалы следует направлять на электронный адрес: andrey_ganin@mail.ru.

Глава 1

Рождение вождя

Оренбургское казачество в последней четверти XIX – начале XX в

Имя атамана Дутова неразрывно связано с казачеством и его многовековой историей. Видный представитель казачьей эмиграции, бывший председатель Донского правительства Н.М. Мельников писал в 1928 г.: «Казачество... Казаки... Не колеблюсь сказать: на мой слух – «это звучит гордо». Ведь это – те самые, которые из России большой сделали Россию Великую, расширив ее границы, присоединив к ней необъятные пространства Дона, Кубани, Терека, Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока. И не только присоединили, но и колонизовали, удержали, вросли корнями, закрепили прочно и навсегда»⁶⁹. И действительно, в истории дореволюционной России казаки сыграли выдающуюся роль, ведь отнюдь не случайно появилось выражение, что «границы России лежат на арчаке»⁷⁰ казачьего седла».

Российское казачество формировалось по меньшей мере с XIV в. на окраинах русских земель в результате смешения

славянских народов и остатков тюркских племен как вольная (не несшая тягла) группа людей. Но постепенно казаки переходили на службу Русскому государству, формируя служилое казачество. В XV–XVII вв. служилые казаки несли сторожевую и пограничную службу на южных и юго-восточных границах Руси, за что получали от правительства землю и жалованье. Другим источником пополнения казачества стало массовое бегство крестьян и посадских людей на незаселенные земли юга России в XV–XVII вв. Борьба казаков с кочевыми соседями и правительственными войсками привела к появлению казачьих военных общин. В XV – начале XVI в. возникли общины донских, волжских, днепровских, гребенских и яицких казаков. В первой половине XVI в. на Украине образовалась Запорожская Сечь, а во второй половине XVI в. – общины терских и сибирских казаков. Основными занятиями казаков были промыслы, скотоводство, земледелие, распространившееся с середины XVII в., и торговля; важными источниками существования были военная добыча и жалованье от государства. Казачество активно участвовало в освоении новых земель юга России, Сибири и Дальнего Востока.

В XVI–XVII вв. казачество пользовалось широкой автономией. Все важнейшие дела решались на общих сходах казаков (кругах, радах), во главе общин стояли выборные атамань. Однако правительство постепенно ограничивало автономию казачьих областей, стремясь к полному подчине-

нию казачества своей власти. Этот процесс проходил непросто. В XVII–XVIII вв. казаки упорно отстаивали свою свободу и принимали активное участие в крестьянских войнах и восстаниях XVII–XVIII вв., выдвинув из своей среды таких руководителей, как С.Т. Разин, К.А. Булавин и Е.И. Пугачев. В начале XVIII в. казачьи общины были преобразованы в иррегулярные казачьи войска, а в 1723 г. ликвидирована выборность войсковых атаманов и старшин, которые теперь стали назначаться правительством. Во второй половине XVIII–XIX вв. был упразднен ряд казачьих войск и созданы новые – уже полностью подчиненные правительству (Оренбургское – в 1748 г., Астраханское – в 1750 г., Сибирское – в 1808 г., Кавказское линейное – в 1832 г. (разделено в 1860 г. вместе с Черноморским войском на Кубанское и Терское), Забайкальское – в 1851 г., Амурское – в 1858 г., Семиреченское – в 1867 г. и Уссурийское – в 1889 г.).

Положение казачества как замкнутого сословия было закреплено при Николае I. Казакам было запрещено вступать в браки с представителями неказачьего населения, воспрещен выход из войскового сословия. При этом казачество получило ряд привилегий: освобождение от подушной подати, рекрутской повинности, земского сбора, право беспошлинной торговли в пределах войсковой территории, особые права на пользование государственными землями и угодьями (ловлей рыбы, добычей соли и т. п.). Казачество участвовало во всех войнах, которые вела Россия в XVIII–XX вв. Особенно отли-

чились казаки в Семилетней войне (1756–1763 гг.), Отечественной войне 1812 г., Кавказской (1817–1864 гг.), Крымской (1853–1856 гг.) и Русско-турецких войнах. В конце XIX – начале XX в. казаки также широко использовались властью для обеспечения государственной безопасности и правопорядка.

К началу XX в. в Российской империи существовало 11 казачьих войск (Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Семиреченское, Сибирское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское), в 1917 г. из красноярских и иркутских казаков было образовано Енисейское казачье войско. Кроме того, в ведении Министерства внутренних дел находился Якутский казачий полк. К 1916 г. общая численность казачества превысила 4,4 миллиона человек, включая около 480 000 человек служилого состава. В конце XIX в. казаки составляли 2,3 % населения страны⁷¹. Все казачьи войска и области в военном и административном отношении с 1879 г. были подчинены Главному управлению казачьих войск, а с 1910 г. – Казачьему отделу Главного штаба. Атаманом всех казачьих войск с 1827 г. являлся наследник престола, во главе каждого войска стоял Наказный (назначенный) атаман. Если в Донском войске должность атамана была самостоятельной, то в других казачьих войсках Наказный атаман являлся одновременно Генерал-губернатором или Командующим войсками округа. При атамане существовал Войсковой штаб, управлявший делами войска через

атаманов отделов или округов. Станичные и хуторские атаманы избирались на сходах.

В основе экономики казачества лежала сложившаяся еще в XIX в. система казачьего землевладения. К концу XIX в. общая площадь казачьих земель составляла не менее 81 миллиона десятин, или 4,05 % всех земель Российской империи, в 1907 г. – около 50 миллионов десятин. В соответствии с «Положением о поземельном устройстве станиц казачьих войск» от 21 апреля 1869 г. казачьи земли были распределены между станицами в соответствии с численностью населения, причем земля выделялась равномерными паями в общинное пользование всех станичников старше 17 лет без права отчуждения, в собственность казачьим офицерам и чиновникам и в войсковой запас.

Казак с 18 лет были обязаны нести военную службу, продолжавшуюся 20 лет (по Уставу о воинской повинности от 17 апреля 1875 г. для Донского войска, распространенному позже на другие войска): первые 3 года в приговорительном разряде, затем 12 лет в строевом (4 года на действительной службе (1-я очередь) и 8 лет на льготе (2-я и 3-я очереди) с периодическими лагерными сборами), 5 лет в запасе, после чего казаки зачислялись на 10 лет в ополчение. В 1909 г. срок службы был сокращен до 18 лет за счет сокращения приговорительного разряда до года. На военную службу казак обязан был являться со своим обмундированием и снаряжением.

Оренбургское казачье войско, к которому принадлежал Дутов, было расположено на обширной территории Оренбургской губернии (ныне Оренбургская область, часть Челябинской области и Башкортостана) с центром в Оренбурге. К началу XX в. войско занимало территорию общей площадью 7 448 304,8 десятины, или 71 503,7 квадратной версты (для сравнения – площадь Оренбургской губернии составляла примерно 170 000 квадратных верст). Войско выделялось среди других казачьих войск – было третьим по численности населения (556 443 человека в 1908 г.⁷²) и площади территории и первым по уровню грамотности населения.

Условия для появления казаков на Южном Урале были созданы после покорения Казанского и Астраханского ханств, когда вольные волжские казаки под давлением правительственных войск частью покорились и остались на месте, а частью перешли на службу царю и русским купцам и стали продвигаться далее на восток⁷³. В зависимости от места поселения они получили свое название: самарские, уфимские, исетские, яицкие и сибирские казаки. Исетские казаки, продвигаясь вверх по реке Исеть и ее притоку реке Миасс, постепенно вклинивались между башкирскими и казахскими кочевниками, разъединяя их путем сооружения постов и укреплений. При содействии сибирских воевод на этой территории появились первые казачьи общины. Создание Оренбургского войска явилось следствием военной колонизации региона, предпринятой центральной властью. Пу-

тем этой колонизации правительство стремилось закрепить за Московским государством Поволжье, Приуралье и Урал и покончить с набегами кочевников. Колонизация была начата экспедицией под руководством обер-секретаря Правительствующего сената И.И. Кириллова в 1734 г.

В 1735 г. была построена крепость в устье реки Орь (позднее город Орск), а в 1742 г. – крепость в устье реки Сакмара (Оренбург)⁷⁴. В 1730—1740-х гг. на Южном Урале в основном было завершено строительство Оренбургской оборонительной линии – мощной системы пограничных укреплений, включавшей в себя шесть оборонительных линий: Самарскую, Сакмарскую, Нижне– и Верхнеяицкую, Исетскую и Уйско-Тобольскую⁷⁵. В 1744 г. был образован Оренбургский нерегулярный казачий корпус, который в 1748 г. по указу Военной коллегии Сената в целях обороны линии получил единое командование⁷⁶. Так началось создание Оренбургского казачьего войска. На линию были переселены уфимские, самарские, исетские и отчасти яицкие казаки, в связи с острой нехваткой людей для обороны границы в состав войска были включены малороссийские казаки и даже местные беглые крестьяне. В итоге было сформировано одно из крупнейших, как по площади территории, так и по численности населения, казачьих войск Российской империи. Оренбургские казаки принимали участие практически во всех вооруженных конфликтах России XIX в.: в Отечественной войне

1812 г. и заграничных походах 1813–1814 гг. (в составе четырех казачьих полков), в подавлении польского восстания 1830 г., в Русско-турецких 1828—1829-го и 1877–1878 гг. и Крымской войнах, а также в покорении Туркестана.

В первой половине XIX в. правительство предприняло ряд мер по укреплению войска и увеличению его численности. В войсковое сословие в массовом порядке было зачислено все население, проживавшее на войсковой территории, в войско также переселялись солдаты и малолетки, государственные крестьяне других губерний, татары, башкиры и мещеры (по собственному желанию)⁷⁷. В состав войска, в котором числилось 42 000 казаков, вошло 25 000 крестьян, около 10 000 отставных солдат и 1700 калмыков Ставропольского калмыцкого войска⁷⁸.

Одной из особенностей войска была тесная взаимосвязь в нем военного и гражданского управления. Положение об Оренбургском казачьем войске от 12 декабря 1840 г. разделило войско на два военных округа, в каждый из которых было включено по пять полковых округов. Полки имели две очереди: для службы на линии и для внешней службы. Помимо десяти полков могли формироваться сводные казачьи полки. Число выставляемых частей должно было увеличиваться по мере роста численности казачьего населения. Во главе всей войсковой администрации стоял войсковой Наказный атаман, подчиненный командиру Отдельного Орен-

бургского корпуса как главному начальнику войска⁷⁹. Атаман являлся оренбургским гражданским губернатором, обладавшим в военном отношении правами начальника дивизии, а командир Корпуса являлся оренбургским военным губернатором. При атамане существовал штаб (Войсковое дежурство) во главе с начальником штаба – штаб-офицером или генералом, не принадлежавшим к войску. Войсковое дежурство являлось прежде всего органом военного управления, но также ведало хозяйственными и судебными вопросами, в административно-хозяйственном отношении оно действовало через окружные дежурства. В целом войско было преобразовано в практически полностью изолированный от внешнего воздействия орган, а выход из казачьего сословия был запрещен. К началу 1853 г. на действительной службе состояло 4673 казака. В укреплениях Оренбургской пограничной линии, по данным на 1857 г., несли службу 4829 оренбургских и 955 уральских казаков, 1062 солдата и 248 артиллеристов⁸⁰. И хотя в этот период линия уже утрачивала свое военное значение, кордонная стража с нее была снята лишь в 1871 г.

Важным звеном в процессе реформирования системы войскового управления стала эпоха Великих реформ. Пересмотр положений о казачьих войсках начался еще в конце 1850-х гг. В 1865 г. Оренбургское казачье войско было в административном, судебном и полицейском отношениях объединено с Оренбургской губернией, причем представители

неказачьих сословий получили разрешение селиться на казачьих землях без причисления к казачеству⁸¹. Казаки составили часть губернского населения, что положило конец их обособленности. Должность Наказного атамана по традиции осталась объединенной с должностью гражданского губернатора. При атамане был создан новый орган – Войсковое хозяйственное правление, регулировавший хозяйственную деятельность войска, взаимодействуя непосредственно со станичными правлениями⁸². Высшим органом военного управления войска был Войсковой штаб. С упразднением Отдельного Оренбургского корпуса создавался Оренбургский военный округ во главе с командующим. В 1866 г. территория войска была разделена на три округа.

В 1867 г. последовала новая реформа, облегчившая воинскую повинность оренбургских казаков. Служилый состав войска был ограничен постоянным числом казаков, в результате чего появилась недопустимая ранее категория неслужилых казаков – тех, кто вообще не состоял на действительной службе. Власти планировали из таких казаков создать слой крепких хозяев, обложить их особым налогом в пользу служилой категории, а также направлять их на поддержание хозяйств тех, кто ушел на действительную службу⁸³. Нежизнеспособность подобного подхода выявилась в течение последующих нескольких лет, и уже в 1876 г. в войске был введен Устав о воинской повинности Донского казачьего войска от

29 апреля 1875 г., а также специально разработанное «Положение о военной службе казаков Оренбургского войска». Был сокращен общий срок службы казаков и срок отбывания ими действительной службы, казачьи части поставлены в одинаковые условия с регулярными войсками, отменена жеребьевка при их комплектовании, прекращено зачисление в разряд неслужилых казаков. По итогам реформ войско по-прежнему осталось замкнутым сословием, хотя с 1869 г. выход из казачьего сословия был разрешен. Казачье население приобрело те же права, что и представители других сословий, но, как и раньше, должно было нести воинскую повинность в существенно большем размере.

В результате принятых мер к началу 1870-х гг. общая численность оренбургского войскового казачьего сословия составила 252 928 душ обоего пола, и войско стало крупнейшим по численности казачьего населения. В него почти полностью вошли Верхнеуральский и Троицкий уезды, а также часть Оренбургского, Орского и Челябинского уездов Оренбургской губернии. К началу XX в. управление войском регулировалось Положением об управлении военными отделами Оренбургского казачьего войска, Высочайше утвержденным 24 января 1884 г., и Положением об общественном управлении станиц казачьих войск 1891 г.

Как уже говорилось, делами по военному и гражданскому устройству всех казачьих войск ведало Главное управление казачьих войск. Казачьи офицеры из-за постоянной

бюрократической волокиты в шутку называли этот орган «Главное затруднение казачьих войск»⁸⁴. В 1910 г. функции управления были переданы Казачьему отделу Главного штаба. В военном отношении войско подчинялось командующему войсками Казанского военного округа. Непосредственно во главе войскового управления стоял Наказный атаман, должность которого совмещалась с должностью оренбургского губернатора. Атаман управлял войском по гражданской (административно-хозяйственной) части на правах губернатора через Войсковое хозяйственное правление, по военной части – на правах начальника дивизии через Войсковой штаб. В полицейском отношении население находилось в ведении общей губернской полиции. Войсковое хозяйственное правление включало общее присутствие и пять отделений: хозяйственное, поземельно-строительное, особое, межевое и лесное. В ведении Войскового хозяйственного правления находились все отрасли войскового хозяйства, а также непосредственное управление общинами войсковыми капиталами. Особое отделение отвечало за общественное управление станиц. Не менее важным административным органом был Войсковой штаб, во главе которого стоял начальник в чине полковника или генерал-майора.

Следующим звеном войсковой административной системы являлись управления военных отделов и сами отделы: 1-й с центром в Оренбурге, 2-й с центром в Верхнеуральске и

3-й с центром в Троицке. Во главе каждого отдела стоял атаман в чине полковника или генерал-майора, непосредственно подчинявшийся Наказному атаману. Первый отдел был крупнейшим по числу станиц и численности казачьего населения, второй отдел превосходил остальные по территории, третий отдел – по общей численности как войскового, так и невойскового населения и по количеству населенных пунктов.

Атаман отдела должен был осуществлять военное управление, наблюдать за общественным управлением в станицах, в его ведении также было руководство станичными школами и общее управление станичными конно-плодовыми табунами. По военной части атаман отдела наблюдал за исправностью отбывания казаками воинской повинности, должен был следить за тем, чтобы все чины льготных частей, а также запасные состояли в установленной положении готовности к службе по всем предметам воинского снаряжения, а казаки старшего возраста приговорительного разряда приобретали бы необходимое для службы снаряжение в срок. Кроме того, атаман отдела заведовал всем не находившимся на действительной службе служилым составом казаков отдела и наблюдал за тем, чтобы они не уклонялись от службы во время лагерных сборов. Атаман также руководил учебными занятиями казаков, занимался формированием сменных команд первоочередных частей, инспектировал льготные команды тех же частей по возвращении их в войско.

В военное время атаман отдела формировал при мобилизации льготные части, выставляемые отделом, инспектировал мобилизованные части по возвращении их в войско. Атаманы отделов осуществляли надзор за общественным управлением в станицах и имели полномочия увольнять станичных и поселковых должностных лиц, за исключением станичных атаманов и почетных судей, за проступки. За маловажные проступки атаманы отделов имели право подвергать виновных выговорам, замечаниям или денежному взысканию до 5 руб. и аресту до семи дней. Несмотря на наличие штата помощников, атаманы отделов не справлялись с возложенными на них обязанностями.

Территория каждого отдела подразделялась на два полковых округа, служившие территориальными районами комплектования льготных полков. В одном полковом округе к началу XX в. проживало по 32 000—36 000 душ мужского пола войскового сословия. Каждую осень атаманы отделов объезжали станицы, проверяя их военную, хозяйственную и общественную деятельность.

Станицы и поселки имели свое местное самоуправление. На станичном уровне оно включало: станичного атамана, станичный сбор, станичное правление и станичный суд. Станичный атаман избирался сроком на три года станичным сбором и утверждался в должности Наказным атаманом. Качественный состав станичных атаманов был стабильно высок, поскольку атаманами обычно избирались казачьи ун-

тер-офицеры (вахмистры, урядники), являвшиеся, как правило, авторитетными и законопослушными людьми с опытом административной работы. Одним из основных показателей результативной работы станичных атаманов на благо своих одностаничников является значительный процент переизбраний атаманов на второй и последующие сроки – по данным на начало XX в., 46 % станичных атаманов избиралось на этот ключевой в жизни станицы пост несколько раз подряд. На станичного атамана возлагались обязанности объявлять станичному обществу и приводить в исполнение все распоряжения войскового начальства по вопросам отбывания казаками воинской повинности, наблюдать за исправным снаряжением казаков служилого состава на службу, при мобилизации и при выходе казаков на службу в мирное время принимать в экстренных случаях необходимые меры при наличии казаков, не имеющих исправного снаряжения, и доносить о них атаману отдела.

Станичный атаман мог подвергать лиц, не пользовавшихся особыми правами по состоянию, за маловажные проступки денежному взысканию на сумму до 3 руб. или аресту (назначению на общественные работы) на срок до трех дней. Для лиц, подвергавшихся взысканиям неоднократно, сумма взыскания могла быть увеличена до 5 руб., а сроки ареста или общественных работ соответственно до пяти дней. Поскольку все станичные общества Оренбургского казачьего войска к началу XX в. имели не менее 300 дворов, на станич-

ные сборы избирался представитель от каждого десяти дворов. Станичный сбор ведал общими станичными суммами и назначением сборов (денежных или натуральных) на станичные потребности; разверсткой земских и станичных повинностей между отдельными поселковыми обществами; определением на основании положения о военной службе платы с казаков, неспособных к службе, но способных к труду; назначением этой категории казаков на внутреннюю службу по войску; рассмотрением и утверждением проектов возрастных и очередных списков; определением казаков, нуждающихся для выхода на службу в пособиях или ссудах; избранием лиц на общественные станичные должности. Сбор созывался, как правило, один или два раза в месяц, а иногда и реже.

Станичное правление представляло собой орган, в состав которого входили: станичный атаман, его помощники, станичный казначей и доверенные. Станичное правление решало менее важные вопросы по сравнению со станичным сбором. Оно занималось ежемесячной проверкой станичных сумм, проверкой всего станичного имущества (не реже одного раза в год), ежегодным составлением сметы станичных доходов и расходов, составлением возрастных и очередных списков и организацией публичных торгов. Станичный суд рассматривал дела, связанные с маловажными проступками, и состоял из двух органов: суда станичных и суда почетных судей. Под юрисдикцию станичного суда попадали

гражданские дела на сумму до 100 руб., а уголовные – по мелким преступлениям⁸⁵. Суд станичных судей действовал в каждой станице, в его состав ежегодно избирались от 4 до 12 человек. Суд почетных судей (3–6 человек) был один на две станицы. В его ведении были дела, уже рассмотренные первым судом, как правило жалобы на станичных судей, по остальным делам потерпевшие должны были обращаться к земским начальникам или городским судьям.

Следующим уровнем войсковой администрации являлось управление поселка, состоявшее из поселкового атамана и поселкового сбора. Их функции в целом совпадали с функциями одноименных органов станичного уровня. Поселковый атаман избирался поселковым сбором на три года и утверждался в должности атаманом отдела. В поселке он являлся представителем местной правительственной власти, отвечал за сохранение порядка в поселке, общественные дела. Провинившихся лиц поселковый атаман мог подвергать денежному взысканию на сумму не свыше 1 руб. или аресту (общественным работам) на срок, не превышавший двух дней. Поселковый сбор составляли: атаман поселка и выборные казаки-домохозяева. Права участвовать в выборах и быть избранными не имели лица, не достигшие 25 лет, состоявшие под следствием или судом, отданные по решению суда под надзор общества, лица, судимые за кражу, мошенничество, присвоение или растрату чужого имущества и не оправданные, а также подвергшиеся более строгому нака-

занию (тюремному заключению и т. п.) и лишённые права участвовать в сборах. Вплоть до 1913 г. на территории Оренбургской губернии не было земства, но даже с его появлением войско было изъято из-под его юрисдикции, чтобы избежать разрушения традиционного казачьего уклада⁸⁶.

По свидетельству очевидца, оренбургские казаки «народ здоровый и крепкий; в обращении – довольно добродушный и приветливый, в сношениях с начальством – послушный и достаточно почтительный. Православное население отличается своей набожностью; в каждой избе, даже и у бедного хозяина, имеются несколько образов, а у зажиточных казаков образами увешана иногда целая стена в чистой комнате... Казаки, видимо, стараются развить любовь к военному делу у своих детей; в школах всех посещенных (инспекцией. – А. Г.) поселков для мальчиков заготовлено казачье обмундирование и шашки, которые они надевают при посещении церкви в праздничные дни, при приезде начальства и в некоторых других случаях; для встречи начальства от школы выставляется почетный караул и ординарцы, а в классах рапортуют дежурные школьники. Таким образом, подрастающее поколение приучается с малых лет смотреть на себя как на военных людей»⁸⁷.

К 1910 г. население войска достигло почти 600 000 человек – больше, чем в Амурском, Астраханском, Енисейском, Семиреченском, Сибирском, Уральском и Уссурийском казачьих войсках, вместе взятых. По численности на-

селения войско уступало лишь Донскому и Кубанскому, а по площади занимаемой территории – Донскому и Забайкальскому войскам. В 1914 г. плотность населения на территории войска составляла 8,8 человека на квадратную версту⁸⁸. Для сравнения: в губерниях Европейской России, по данным на 1913 г., средняя плотность населения составляла 30 человек на квадратную версту. В войсковых пределах находилось шесть городов: Оренбург (губернский), Орск, Верхнеуральск, Троицк, Челябинск (уездные), Илецкая Защита (заштатный). Однако эти города, несмотря на нахождение в некоторых из них войсковых административных зданий, не принадлежали войску. К 1914 г. в войске было 58 станиц (25 в 1-м военном отделе, 17 – во 2-м и 16 – в 3-м), 441 поселок, 65 выселков и 553 хутора, причем некоторые станицы по числу жителей были крупнее многих городов того времени. Крупнейшей по численности населения являлась станция Челябинская (25 960 жителей)⁸⁹. За сорок лет, с 1871-го по 1912 г., население войска возросло примерно в 2,3 раза, причем собственно казачье население только в 2 раза⁹⁰.

На увеличении численности казачества негативно сказалась предпринятая в ходе Русско-японской войны и первой русской революции мобилизация всего войска. В итоге в период 1904–1907 гг. прирост населения неуклонно падал с 5,3 % в 1904 г. до 5 % в 1906 г., и лишь в 1907 г., после демобилизации, этот показатель резко пошел вверх, составив

5,9 %⁹¹. Общая численность казацкого населения в войске в начале XX в. была относительно невелика и составляла 18,1 % (данные на 1912 г.; для сравнения: в Донском казачьем войске в 1912 г. иногородние составляли 57,2 % населения, в Кубанском в 1917 г. – 58 %). При этом процент иногородних значительно различался по станицам. Например, в станице Оренбургской их численность достигала 51 %, а в станице Степной лишь 3 %. В поселках наблюдалась та же картина: в поселке Кочкарском станицы Кособродской 69 % иногородних, в поселках Павловском станицы Павловской и Гирьяльском станицы Гирьяльской – 2 % иногородних. Наибольшее количество иногородних проживало в 3-м (Троицком) военном отделе.

В этническом отношении казачье население не было единым: по данным 1902 г., доминировало русское население (87,6 %), остальные этносы (мордва, башкиры, калмыки), за исключением татар (6,6 %) и крещеных татар – нагайбаков (2,9 %), были представлены достаточно слабо (суммарно 2,9 %). В конфессиональном отношении, по данным на 1902 г., православные составляли 88 %, мусульмане – 7,4 %, старообрядцы – 4,6 %⁹². К православным относились русские, нагайбаки, мордва и калмыки, к мусульманам – татары и башкиры. При этом среднестатистическая конфессиональная однородность отнюдь не означала полного доминирования православной веры во всех населенных пунктах войска. К примеру, 94,5 % жителей станицы Сакмарской придер-

живались старообрядчества, 20–30 % старообрядцев было в станицах Коельской, Челябинской и Рассыпной. 45 % жителей Ильинской станицы, 43,5 % жителей Татищевской станицы, 37 % жителей Пречистенской станицы были мусульманами. Несмотря на поликонфессиональный состав войска, оренбургские казаки отличались веротерпимостью.

По губернии русские составляли 73,2 % населения – даже больше, чем в Симбирской (68,2 %) и Саратовской (68,9 %) губерниях⁹³. При этом встречались целые поселки, заселенные исключительно представителями того или иного из национальных меньшинств. К таким населенным пунктам в начале XX в. относились поселок Ахуновский Карагайской станицы и поселок Никольский Ильинской станицы, почти со 100 %-ным татарским населением. Татары старались держаться обособленно от русских, и, судя по всему, национальная принадлежность для них была более значимой, чем сословная. Они крайне неохотно носили казачью форму, пытаясь по возможности одевать халат и тюбетейку. При этом татары были, как правило, менее зажиточны по сравнению с русскими.

В значительно большей степени к русским тяготели нагайбаки, которые от них практически не отличались. Одним из немногих отличий было то, что эта этническая группа не соблюдала установленных церковных постов.

Затраты на снаряжение оренбургского казака на военную службу менее чем за полвека возросли примерно в 2,9 раза.

Если в 1865 г. они составляли 71 руб.

9 коп., то в 1875 г. – уже 109 руб. 55 коп., а в 1900 г. – 204 руб. 2 коп.⁹⁴ Основными статьями расхода (свыше 64 % всей суммы) являлись (по мере убывания): покупка лошади, седла и мундира. Обострялись противоречия между военной службой казака и его хозяйственной деятельностью.

Деление земель на паи осуществлял станичный сбор, а затем нарезанные участки распределялись по жребию. Величина земельного надела, который получал каждый казак по достижении 17 лет, составляла по закону от 9 сентября 1867 г. 30 десятин удобной земли, причем в эту площадь входило не менее 6 десятин лугов⁹⁵. В 1912 г. на одну душу мужского пола войскового сословия в Оренбургском казачьем войске приходилось в среднем 23,5 десятины удобной земли, 2,3 десятины леса и 2,5 десятины неудобной земли, итого 28,4 десятины земли⁹⁶. Казаки некоторых станиц особенно сильно нуждались в дополнительных наделах. Так, к 1900 г. в станицах Нижнеозерной, Воздвиженской, Татищевской и Гирьяльской на душу мужского пола приходилось от 11 до 14 десятин земли, причем размеры эти неуклонно сокращались⁹⁷. По предварительным расчетам, к 1934 г. казаки должны были столкнуться с проблемой малоземелья⁹⁸. Постепенно складывалась парадоксальная ситуация, когда казаки продолжали служить, как и раньше, несли те же и даже большие тяготы, но взамен не получали гарантированных

им государством земельных наделов. Нарушался основополагающий принцип казачьей службы за землю, и в этих условиях казаки могли также начать отказываться от своих обязательств.

В 1892 г. в войске была введена переложная система земледользования. Широкое распространение получило трехполье (посев – сенокос – пастбище), каждые 3–6 лет производилось чередование полей. Таким образом, фактически казак мог использовать не более 3–9 десятин земли на душу в год. Основными зерновыми культурами в войске были: пшеница-кубанка, овес, реже просо и рожь (1-й военный отдел); пшеница-сибирка, овес, рожь и ячмень (2-й и 3-й военные отделы). Земледелие было особенно широко развито в 3-м военном отделе, где земли были наиболее плодородными, а близость Самаро-Златоустовской железной дороги позволяла быстро реализовывать сельхозпродукцию.

Важной статьей дохода казаков было скотоводство. В войске разводили главным образом лошадей, крупный рогатый скот, овец и свиней. Повсеместное распространение получило огородничество, а на территории 1-го военного отдела и в южных станицах других отделов было развито и бахчеводство. Основными культурами, которые выращивались в казачьих хозяйствах, были традиционные для Европейской России картофель, капуста, лук, редька, свекла, морковь, укроп, а также бахчевые – арбузы, дыни, тыквы. Помимо сельского хозяйства казаки занимались и побочными промыслами,

такими как рыболовство или пчеловодство, но доходы от них были совершенно ничтожны. Развитию рыболовства на реке Урал препятствовал «учуг» (перегородка) на территории Уральского казачьего войска, отсекавший Оренбургское войско от каспийской рыбы осетровых пород (осетр, севрюга), в других реках водились куда менее ценные породы рыб: щука, карась, язь, окунь, жерех, голавль и т. д.

Широко развивалась торговля. В конце XIX в. ярмарки проводились практически в каждой станице войска⁹⁹. Рынками сбыта сельхозпродукции традиционно являлись города. В связи с развитием сети железных дорог рынки сбыта продукции казачьих хозяйств существенно расширились, но в основном это была территория Оренбургской и соседних губерний. Основным препятствием развитию предпринимательства в казачьей среде было отсутствие денежных средств. Чтобы решить эту и другие проблемы, с 1908 г. в войске стали открываться кредитные товарищества, выдававшие ссуды на срок до пяти лет.

Казак к началу XX в. в силу разных причин не мог обеспечить собственное благосостояние ни сельским хозяйством, ни побочными промыслами, но в то же время в пользу государства должен был нести значительное число повинностей. Как писал штаб-офицер по особым поручениям при Наказном атамане Оренбургского казачьего войска Д.Е. Серов в начале XX в., «едва ли найдется в Империи другое какое сословие или община, которые были бы так обременены все-

возможными повинностями и которые так мало получали бы за это, как оренбургский казак»¹⁰⁰. Возможно, автор этого высказывания несколько преувеличил, но, тем не менее, повинностей было действительно немало. Все они подразделялись на натуральные (воинская, общие земские и станичные) и денежные (выплаты на ремонт дорог, на содержание земских лошадей, на содержание медико-статистического бюро, на содержание сельско-ветеринарной части, на содержание арестованных и на делопроизводство, на борьбу с вредными животными и насекомыми, на расходы выездных сессий уездных съездов).

В состав общих земских повинностей входили: дорожная, постоянно-квартирная, арестантско-этапная, конвой для сопровождения почт, тушение лесных и степных пожаров. Станичные повинности включали: подводную повинность с летучей почтой, караульную повинность, содержание хлебных и сенных запасов, содержание случных пунктов и жеребцов для конно-плодовых табунов, содержание дорог, перевозов, паромов и т. д., истребление вредных животных и насекомых, содержание штатов станичных и поселковых правлений, устройство и ремонт общественных зданий, содержание пожарных обозов, содержание школ и приемных покоев. В пересчете на деньги все повинности требовали от казака годового расхода в 50–70 руб., что было крайне обременительно.

Тем не менее Д. Басов писал в 1907 г.: «Следуя Оренбург-

ским казачьим войском, я наблюдал, что оно живет хорошо и богато, далеко зажиточнее сибирских казаков. Масса скота; у всех сельскохозяйственные машины и орудия, во всей домашней обстановке видно широкое довольство. В хороших избах-домах та же симпатичная черта сибиряков – педантичная чистота и опрятность, чего нет и у здешних переселенцев. Станицы и поселки громадны: везде храмы, школы и больницы»¹⁰¹. Из этого можно сделать вывод, что, хотя снаряжение на военную службу и становилось все более обременительным для оренбургских казаков, а их экономическое положение ухудшалось, до обнищания войскового сословия было все же далеко.

Основной и наиболее тяжелой обязанностью оренбургского казачества являлась воинская повинность. К началу XX в. казаки уже не могли считаться теми природными воинами, какими они были раньше, во время их борьбы с кочевыми народами. Генерального штаба генерал-майор А.Ф. Редигер отмечал, что казаки, «конечно, уже не могут более являться на службу столь же готовыми воинами, как прежде. Но те природные качества, которые выработались в казачестве путем подбора людей с особым характером и наклонностями, а также и вековыми условиями быта казаков, не успели и еще не скоро успеют сгладиться; и по настоящее время казачьим войскам присущ воинский дух, поддерживаемый преданиями старины, особыми условиями отбывания воинской повинности, особым устройством их управления; каза-

ки и ныне являются естественною конницею, так как размер войсковых земель пока еще позволяет населению заниматься обширным коневодством. Наличие этих двух условий: воинского духа и, так сказать, прирожденного искусства верховой езды – до настоящего времени делают казачьи войска незаменимым источником для формирования многочисленной конницы, по своей численности равняющейся совокупности всей кавалерии наших западных соседей и особенно способной к действиям, требующим от каждого всадника сметливости и сноровки: к партизанской войне, к сторожевой и разведывательной службе и т. п.»¹⁰².

Казачья воинская повинность определялась к началу XX в. Уставом о воинской повинности Донского казачьего войска от 29 апреля 1875 г., впоследствии распространенным с некоторыми поправками на другие казачьи войска, а также Высочайше утвержденным 10 июля 1876 г. «Положением о военной службе казаков Оренбургского войска». На основании этих нормативных актов все мужское население войска подлежало воинской повинности без различия состояний. Не допускались денежный выкуп и замена добровольцем. Военный состав войска был разделен на служилый состав и войсковое ополчение. В служилый состав зачислялись все казаки, достигшие 18 лет к 1 января того года, в который производилось зачисление. Исключение составляли лица, лишенные всех прав состояния или всех особых прав и преимуществ. Зачисление производилось по особым воз-

растным спискам, составившимся в станицах. Войсковое начальство определяло число мобилизуемых в первоочередные части, разнарядка направлялась атаманам отделов и станиц, а в самих списках устанавливался предельный номер, казаки, указанные в списке ниже этого номера, зачислялись в льготные части. Казаки должны были являться на службу со своим снаряжением, вооружением (кроме огнестрельного оружия) и строевым конем.

В возрасте 18 лет казаки поступали в подготовительный разряд, в котором их готовили к службе в течение трех лет. Затем на протяжении двенадцати лет казаки должны были состоять в строевом разряде: первые четыре года казаки находились в частях первой очереди, следующие четыре года состояли в частях второй очереди (на льготе), т. е. жили в станицах, но должны были в исправности содержать строевого коня, обмундирование, вооружение и снаряжение и ежегодно собираться в лагерь, и последние четыре года казаки числились в частях третьей очереди, но могли уже не иметь строевых лошадей и лишь однажды должны были собираться в лагерь, однако по первому требованию к выходу на службу обязаны были завести строевого коня.

По достижении 33 лет казаки перечислялись на пять лет в запасной разряд, из состава которого пополнялась убыль строевых частей в военное время. После двадцатилетней службы казаки зачислялись в войсковое ополчение, где числились до тех пор, пока были в состоянии носить оружие.

Особо учитывались десять младших возрастов войскового ополчения, в которые входили вполне еще крепкие мужчины от 38 до 48 лет. Войсковое ополчение подлежало мобилизации лишь при чрезвычайных обстоятельствах военного времени.

Оренбургское казачье войско к началу XX в. выставляло по штату мирного времени три шестисотенных и три четырехсотенных казачьих конных полка (всего – 30 сотен), две отдельные конные сотни, три шестиорудийные батареи (всего – 18 орудий) и три штаба льготных батарей двухорудийного состава, три пешие местные команды, на льготе состоял личный состав двенадцати шестисотенных конных полков и трех батарей, а также одной запасной батареи. В военное время войско обязано было выставить пятнадцать шестисотенных и три четырехсотенных конных полка (всего – 18 конных полков, или 102 сотни), две отдельные конные сотни, шесть шестиорудийных и одну запасную четырехорудийную батарею (всего – 40 орудий), три пешие местные команды, шесть запасных конных сотен.

К 1 января 1896 г. при численности мужского населения войскового сословия в 178 230 человек штат строевых частей войска мирного времени составлял 225 офицеров и 6110 нижних чинов при 5707 строевых, артиллерийских и обозных лошадях¹⁰³. В военное время войско должно было выставить 418 офицеров, 19 638 нижних чинов (т. е. всего 20 056 человек), 21 030 лошадей (в том числе 17 758 строевых,

842 артиллерийских и 2430 подъемных и выючных), т. е. тотальная мобилизация всех трех очередей войска ставила под ружье только 11,2 % мужского казачьего населения. К началу XX в. на службе состояло около 1,8 % населения войска, что почти в два раза превышало принятый в Европе мирный состав армии в 1 % населения¹⁰⁴. В военное время войско выставляло в 1,8 раза больше офицеров по сравнению с мирным временем, причем по штату военного времени офицеры составляли 2,08 % всех чинов. Штат нижних чинов в связи с мобилизацией возрастал в 3,2 раза, численность выставляемых войском лошадей – в 3,7 раза.

К 1 января 1896 г. в войске состояло 470 генералов, штаб- и обер-офицеров и 45 219 нижних чинов. Офицеры составляли 1,3 % от численности нижних чинов¹⁰⁵. Нижние чины служилого состава, имевшиеся налицо (43 911 казаков), в процентном соотношении распределялись следующим образом: 20 % – приговорительный разряд, 57,5 % – строевой разряд и 22,5 % – запасной разряд. На действительной службе в строевых частях состояло 198 офицеров и 5377 нижних чинов, всего 3,1 % мужского казачьего населения (для сравнения: в Донском казачьем войске – 3,7 %, в Кубанском – 4,2 %, в Уральском – 4,4 %, в Семиреченском – 4,9 %, в Амурском – 5,1 %). Численность негодных к службе казаков (11 083 человека) составляла 20,1 % ко всем обязанным службой.

Как уже говорилось, войско было разделено на три воен-

ных отдела, каждый из которых, в свою очередь, делился на два полковых округа. Полковые округа являлись районами комплектования казачьих полков всех трех очередей. Из этого следует, что в каждом полковом округе формировалось три полка: один первоочередной и два льготных, следовательно, в каждом военном отделе формировалось шесть казачьих полков: два первоочередных и четыре льготных. На территории 1-го военного отдела формировались 2, 6, 7, 8, 13 и 14-й Оренбургские казачьи полки, на территории 2-го военного отдела – 1, 5, 9, 10, 15 и 16-й Оренбургские казачьи полки, на территории 3-го военного отдела – 3, 4, 11, 12, 17 и 18-й Оренбургские казачьи полки. Первоочередные казачьи части дислоцировались в Казанском, Киевском, Варшавском, Туркестанском и Петербургском военных округах. К 1914 г. дислокация и подчиненность оренбургских казачьих частей первой очереди иллюстрируются данными, приведенными в таблице 1.

Таблица 1

Часть	Пункт дислокации	Подчинение
1-й Оренбургский казачий полк	Харьков, Харьковская губерния	2-я бригада 10-й кавалерийской дивизии X армейского корпуса
2-й Оренбургский казачий полк	Варшава, Варшавская губерния	2-я бригада 13-й кавалерийской дивизии XIV армейского корпуса

Часть	Пункт дислокации	Подчинение
3-й Оренбургский казачий полк	Волочиск, Подольская губерния	2-я бригада 12-й кавалерийской дивизии XII армейского корпуса
4-й Оренбургский казачий полк	Керки, Бухарское ханство	1-я бригада 1-й Туркестанской казачьей дивизии I Туркестанского корпуса
5-й Оренбургский казачий полк	Ташкент, Сырдарьинская область	2-я бригада 1-й Туркестанской казачьей дивизии I Туркестанского корпуса
6-й Оренбургский казачий полк	Новый Маргелан, Ферганская область	2-я бригада 1-й Туркестанской казачьей дивизии I Туркестанского корпуса
2-я (оренбургская) сотня Лейб-гвардии Сводно-казачьего Его Величества полка Оренбургский казачий дивизион	Гатчина, Санкт-Петербургская губерния	3-я бригада 1-й гвардейской кавалерийской дивизии
	Гельсингфорс, Нюландская губерния, Великое княжество Финляндское	XXII армейский корпус
1-я Оренбургская казачья отдельная сотня ¹	Оренбург, Оренбургская губерния	XXIV армейский корпус
2-я Оренбургская казачья отдельная сотня	Кустанай, Тургайская область (1-я полусотня — Иргиз, 2-я полусотня — Тургай)	XXIV армейский корпус
1-я Оренбургская казачья батарея	Бар, Подольская губерния	1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион 2-й Сводной казачьей дивизии XII армейского корпуса
2-я Оренбургская казачья батарея	Керки, Бухарское ханство	1-я Туркестанская казачья дивизия I Туркестанского корпуса
3-я Оренбургская казачья батарея	Бар, Подольская губерния	1-й Оренбургский казачий артиллерийский дивизион 2-й Сводной казачьей дивизии XII армейского корпуса
Оренбургская местная команда	Оренбург, Оренбургская губерния	—
Верхнеуральская местная команда	Верхнеуральск, Оренбургская губерния	—
Троицкая местная команда	Троицк, Оренбургская губерния	—

¹ Сотня несла военно-полицейскую службу в Оренбурге, по линии Ташкентской железной дороги и на уральских заводах.

Казак почти полностью формировался в станичной атмосфере. В заслугу войсковой администрации можно поставить небывалое не только для казачества, но и для всей страны развитие системы народного образования и просвещения в войске. На территории войска к 1900 г. действовало 506 станичных и поселковых школ (156 мужских, 153 женских и 168 смешанных)¹⁰⁶, из которых восемь с курсом двухклассных, а остальные с курсом одноклассных сельских училищ. В 1-м военном отделе имелось 127 школ, во 2-м – 176 школ и в 3-м – 203 школы. На их содержание войско ежегодно расходовало свыше 160 000 руб. из общественных сумм и до 2500 руб. из войскового капитала.

В большинстве поселков было две школы – мужская и женская, поселков, не имевших школ вообще, в войске к началу XX в. не было. Именно в школах казаки проходили курс первоначальной строевой подготовки. Учеба длилась шесть месяцев – с октября по март, заканчиваясь перед началом посевной. Ежедневно казачата занимались не более шести часов. В школах преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык, церковно-славянский язык, арифметика и чистописание¹⁰⁷. Учебная нагрузка составляла 26 часов в неделю. Между прочим, посещение школ было обяза-

тельным для всех казачьих детей начиная с 8 лет. Именно эта мера вывела войско на первое место по уровню грамотности среди других. К началу XX в. до 70 % казаков и до 50 % казачек было грамотно, неграмотной была лишь часть стариков, служивших до 1871 г., а также дети до 7 лет. В 3-м военном отделе уже в 1902 г. существовала 99 %-ная, или всеобщая, грамотность¹⁰⁸. На мой взгляд, это уникальный показатель для российской глубинки начала XX в.

Отличительными чертами казаков некогда считались набожность, монархизм, чинопочитание, любовь к войску, смелость, инициативность, простота в обращении, чувство товарищества. Но постепенно многие из этих черт становились достоянием истории, уходили в прошлое. На смену им в начале XX в., в основном в среде казачьей молодежи, пришли совершенно нехарактерные ранее явления: алкоголизм, приобретший массовый характер, упадок дисциплины, рост непонимания и проявление неуважения по отношению к старикам, апатия в отношении военной службы. Эти явления наблюдались тогда не только в Оренбургском войске, но и в других казачьих войсках. Расходы населения на водку в три раза превышали общественные расходы всего войска. Только, по официальным данным, в 1907 г. на душу населения всех сословий в войске приходилось 9,2 литра 40-градусной водки¹⁰⁹. Но, как известно, значительная часть алкоголя производилась самими казаками в своих хозяйствах и не могла быть учтена, а кроме того, помимо водки потреб-

лялись и другие спиртные напитки. Таким образом, реальные масштабы потребления спиртных напитков были гораздо большими.

Чрезмерное потребление алкоголя сказывалось на генотипе казаков. Пьянство породило среди казаков лень, отсутствие хозяйственности. Тяжелый домашний труд обычно поручался дешевым наемным работникам (например, казахам) или взваливался на плечи казачек¹¹⁰. Пьянство, не дисциплинированность, неприятие авторитетов, безразличие к окружающему миру и замкнутость, особенно в среде казачьей молодежи, являлись формами социального протеста и, вероятно, были связаны с трудностями самореализации в условиях мирного времени. В качестве меры дисциплинарного наказания для казаков дурного поведения было откомандирование их на полевую службу на срок до четырех лет, если они состояли в строевом разряде. Отставных казаков выселяли на срок до четырех лет в отдаленные от постоянного места жительства станицы. Эти меры были установлены в 1886 г. как временные, но в 1891-м и 1895 гг. продлялись, за исключением права ссылки. В таком состоянии казачество вступило в XX век. Мощнейшим катализатором для выплескивания всего отрицательного, что накопилось в казачестве за предыдущие десятилетия, стал 1917 год.

Говоря о предпосылках революции и Гражданской войны в казачьих областях, нельзя не упомянуть об уже сформировавшейся к началу XX в. особой группе внутри казачества

– станичной интеллигенции (например, фельдшеры, агрономы, учителя). Эта категория включала лиц интеллектуально-го труда, не отошедших в полной мере от образа жизни простых казаков, по долгу службы постоянно соприкасавшихся с ними и оказывавших, в силу своего положения, образования, авторитета, личных качеств значительное влияние на станичную и поселковую атмосферу. Представители этой группы лиц могли не принадлежать к казачьему сословию, но именно они претендовали на неформальное лидерство в станицах. Как правило, это были лица, настроенные антиправительственно. Речь идет именно о сельской интеллигенции, поскольку, во-первых, большинство казаков жило вне городов, а во-вторых, в замкнутой станичной атмосфере влияние этой группы на сознание казачества было особенно сильным. В 1917 г. и позднее представители этой группы постепенно перешли к поддержке идей саморасказачивания и своими идеями принесли огромный вред казачеству, фактически расколов его в период наиболее трудных испытаний. Именно представители казачьей интеллигенции сыграли важную роль в оппозиции режиму Дутова.

Род и семья Дутовых

Род Дутовых восходит к волжскому казачеству. Волга издревле была важнейшей водной артерией Восточной Европы и имела колоссальное значение в торговле Руси с Востоком. Именно этот фактор привлекал сюда любителей легкой наживы за чужой счет. Уже с XIV в. известны действовавшие здесь ушкуйники. Кроме того, в пограничном с Золотой Ордой Поволжье находили убежище беглые крестьяне из Северо-Восточной Руси. Таким образом, в этом регионе со Средневековья существовали условия для формирования казачества. В XVI в. на Волге одновременно сосуществовали как городовые казаки, находившиеся на службе у русского правительства, так и вольные «воровские» казаки, постепенно также переманивавшиеся на службу государственной власти. Именно ко второй категории относился знаменитый покоритель Сибири Ермак Тимофеевич¹¹¹.

Фамилию Дутов специалисты связывают со словом «дутый» – полный, толстый или надутый, сердитый¹¹². Несомненна также ее связь со словом «дуться», соответствующее прозвище (Дутик, Дутка, Дутый и т. п.) «могли дать либо тому, кто дуется, дует губы, либо гордому, надменному человеку. Однако не исключено, что так могли прозвать толстого, полного человека – например, в говорах **дутьши, дутик**

(здесь и далее выделено в тексте. — А. Г.) — «раздутая вещь, пузырь», а также «человек полный в лице или вообще плотный коротыш, толстячок» (ср. слова того же корня **одутловатый, раздутый**)»¹¹³. И если посмотреть на фотографии Александра Ильича, он действительно кажется таким, полным и надутым. По одной из легенд, атаман не допускал употребления своей фамилии в родительном падеже, ему слышалось, что говорят не про атамана Дутова, а про атамана дутого. Однако это только легенда. В XVI–XVII вв. было распространено прозвище Дутой (Дутый) и аналогичные ему. Документы того времени сохранили упоминания о винницком мещанине Иване Дутом (1552 г.), московском торговом человеке Петре Дутом (1566 г.), литовском мужике Ивашко по прозвищу Дутка (1648 г.), кроме того, по документам 1614 г. известен волжский казак Максим Дутая Нога¹¹⁴. И хотя Дутовы также вели свой род от волжских казаков, доказательств их родства с этим человеком пока не обнаружено.

О происхождении Дутова до сих пор было известно крайне мало. Основные и наиболее достоверные данные содержала его официальная биография, изданная в 1919 г. В ней отмечалось, что «Александр Ильич Дутов происходил из староказачьей семьи. Род Дутовых до начала 19-го века жил в Самаре, так предки были волжские казаки, в частности принадлежащие к Самарскому казачьему войску. С уничтожением этого войска и лишением его земель, самарские казаки переселились в Оренбургское войско, и в числе переселен-

цев, не желавших выйти из казачества, был и прадед Дутова казак Степан. Дед Александра Ильича служил уже Оренбургскому войску и в чине Войскового Старшины закончил свое земное существование. Отец Атамана, Илья Петрович, отставной генерал-майор, здравствует и поныне и всю службу провел в рядах Оренбургского Войска, главным образом, в Туркестане, принимая участие в покорении Средней Азии и в войне с турками на Кавказе. Жизнь отца А.И. (здесь и далее так указываются инициалы Дутова. – А. Г.) была полна походов, скитаний и переездов, и вот на походе из Оренбурга в Фергану, в городе Казалинске, 6 августа 1879 г. родился у него сын Александр, ныне Войсковой Атаман»¹¹⁵. Эти сведения, изложенные для официальной биографии, по всей видимости, самим Дутовым, являются весьма отрывочными.

В собрании РГИА удалось обнаружить документы о дворянстве рода Дутовых, которые существенно расширяют имевшиеся до сих пор сведения. По обнаруженным мной данным, первым известным предком атамана следует считать самарского казака Якова Дутова, жившего во второй половине XVIII в.¹¹⁶ Примерно в 1787–1788 гг. у него родился сын Степан, поступивший на военную службу в марте 1807 г. и дослужившийся впоследствии до чина урядника (1809 г.) и зауряд-хорунжего (1811 г.) Оренбургского казачьего войска. В его служебных документах *особо* отмечалось, что «в разных годах в линейной службе находился... Российской гра-

моте знает...»¹¹⁷. В июне 1811 г. в Самаре Степан женился на восемнадцатилетней дочери отставного казака¹¹⁸ (по другим данным – на дочери капрала¹¹⁹) Анисье Яковлевне.

У Дутовых родилось три дочери: Мария (1814 г.), Аграфена (1817 г.) и Александра (1819 г.), а 27 декабря 1817 г. на свет появился сын Петр – дедушка атамана Дутова. Петр Степанович уже числился казаком станицы Оренбургской, той самой, к которой позднее будут приписаны его многочисленные потомки, в том числе и сам А.И. Дутов. Дед оренбургского атамана прошел все ступеньки казачьей иерархии, поступив на службу казаком из вольноопределяющихся в июне 1834 г. Уже на следующий год он получил должность писаря Войсковой канцелярии Оренбургского казачьего войска, а в марте 1836 г. был произведен в урядники. В 1841 г. П.С. Дутов повышен до старшего писаря Войскового правления, в 1847 г. уже в должности протоколиста. Наконец, в 1851 г. Дутов за выслугу лет был произведен в хорунжие и как выслуживший четырехлетний срок ранее Высочайшего манифеста от 11 июня 1845 г. (повысившего требования к получению потомственного дворянства с XIV до VIII класса Табели о рангах) получил права потомственного дворянства, значительно повысив как свой социальный статус, так и статус всех своих потомков¹²⁰, которым, впрочем, впоследствии все равно приходилось подтверждать свои права на принадлежность к дворянству. В 1854 г. он уже в чи-

не сотника. Как чиновник, находившийся при войсках, П.С. Дутов был награжден бронзовой медалью в память Крымской войны 1853–1856 гг. на владимирской ленте¹²¹. Последующие десять лет (1855–1865 гг.) он прослужил экзекутором Войскового правления Оренбургского казачьего войска. Итогом его многолетней службы был чин войскового старшины, а последняя известная должность деда атамана Дутова – архивариус Войскового правления (1879 г.)¹²². Потомственная казачка Татьяна Алексеевна Ситникова подарила мужу четырех сыновей: Алексея (1843 г.), Павла (1848 г.), Илью (1851 г.) и Николая (1854 г.) и четырех дочерей: Екатерину (1852 г.), Анну (1857 г.), Татьяну (1859 г.) и Александру (1861 г.). Дутовы владели домом в станице Оренбургской – казачьем предместье города Оренбурга.

Старший сын Алексей, судя по всему, умер еще в юности. Двое других, Павел и Илья, пошли по стопам отца и отдали все свои силы служению родине и родному войску. Павел Петрович получил общее образование дома, а военное «приобрел на службе практически»¹²³. Дядя будущего оренбургского атамана принял участие в кампаниях 1875-го и 1879 гг., однако в сражениях не участвовал и ранен не был. Впоследствии он выслужил чин полковника. Был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени (1875 г.) и Св. Анны 3-й степени. Скончался в Оренбурге в 1916 г. от паралича¹²⁴.

Отец будущего казачьего вождя, Илья Петрович, по срав-

нению со своим старшим братом получил более солидное образование: окончил Оренбургское казачье юнкерское училище по 1-му разряду и Офицерскую кавалерийскую школу «успешно». Был настоящим боевым офицером эпохи туркестанских походов. С 1874-го по 1876 г. и в 1879 г. он находился в войсках Амударьинского отдела, где служба считалась за военный поход. В Государственном архиве Оренбургской области сохранились его записки о пути следования отряда от города Казалы до Петро-Александровского укрепления летом 1874 г.¹²⁵ Записки представляют собой очень подробное описание пройденного маршрута протяженностью в 595 верст.

Принимал он участие и в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на территории Азиатской Турции, причем непосредственно участвовал в штурме Карса. В 1880 г. находился в составе войск Саракамышского действующего отряда, а в 1892 г. – в составе Памирского отряда (казаки сотни Дутова принимали участие в схватке с афганцами на посту Яшиль-Куль¹²⁶). В мае 1904 г. Дутов-старший получил в командование 5-й Оренбургский казачий полк, расквартированный в Ташкенте. В 1906 г. принял 4-й полк, стоявший в городе Керки Бухарского ханства, а в сентябре 1907 г. был произведен в генерал-майоры с увольнением от службы с мундиром и пенсией. За годы службы Илья Петрович был награжден орденами Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени, Св. Анны

2-й степени, Св. Владимира 3-й и 4-й степеней, орденом Бухарской золотой звезды 2-й степени; серебряными медалями за Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и в память царствования императора Александра III на Александровской ленте¹²⁷. Кроме того, Илья Петрович имел земельный надел в Троицком уезде Оренбургской губернии¹²⁸. За его женой был деревянный дом в Оренбурге и благоприобретенный земельный участок в 400 десятин¹²⁹.

Дожил Илья Петрович и до стремительного карьерного взлета своего старшего сына, ставшего Войсковым атаманом. Супругой Ильи Петровича и матерью будущего атамана была Елизавета Николаевна Ускова – дочь урядника, уроженка Оренбургской губернии. По некоторым данным, среди ее предков был комендант Новопетровского укрепления подполковник И.А. Усков, помогавший Т.Г. Шевченко в период пребывания последнего под арестом в укреплении. Это родство впоследствии предопределило интерес Дутова к оренбургскому периоду жизни Шевченко.

Сам Дутов был причислен к потомственному дворянству в конце апреля 1917 г.¹³⁰ – в петроградский период своей деятельности (по всей видимости, послефевральские реалии и демократическая риторика не помешали ему позаботиться об утверждении семьи в дворянском сословии). Добавлю, что начиная с отца и дяди оренбургского атамана Дутовы стали элитой оренбургского казачества, и неудивитель-

но, что Александр Ильич впоследствии смог претендовать на пост Войскового атамана.

Молодые годы

5 августа 1879 г. во время ферганского похода в городе Казалинске Сырдарьинской области у есаула Дутова и его супруги родился первенец Александр – будущий оренбургский атаман. Крещен он был 15 августа в Казалинской Казанской церкви, о чем сделана запись в метрической книге церкви под № 43. В качестве восприемников при крещении младенца выступил дядя, сотник 1-го Оренбургского казачьего полка Николай Петрович Дутов, и жена войскового старшины Михаила Алексеевича Пискунова Евдокия Павловна¹³¹. Младший брат Дутова Николай, впоследствии секретарь Орской уездной земской управы¹³², родился в 1883 г. Будущий атаман был приписан к станице Оренбургской. В семь лет он начал ходить в школу Летниковой, а затем для подготовки к кадетскому корпусу в школу Назаровой. В период обучения отца в Офицерской кавалерийской школе в 1888–1889 гг. Александр жил в Петербурге и учился в одной из школ столицы, а позднее посещал занятия в училище Жоравович в Оренбурге¹³³.

В 1889 г. Александр поступил на войсковую стипендию в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, где был в числе средних учеников. Однокашник Дутова по корпусу, училищу и академии Генерального штаба генерал-майор

С.А. Щепихин впоследствии вспоминал: «Шурка» (так звали его ближайшие друзья), «дутик-карапузик», «каракатица», «тетка» – вот, кажется, все прозвища школьников, умеющих обычно метко и надолго припечатать каждому определенный штемпель. Видимо, у Александра Ильича не было особенно ярких черт, которые могли бы привлечь внимание товарищей детства. Так он и рос среди нас, не выделяясь из золотой середины ни учением, ни поведением. Среди своих оренбур[ж]цев (оренбургских казаков у нас в корпусе было от 15 до 25 % всего состава) он пользовался некоторым вниманием, так как все они знали, по рассказам родителей, его отца – лихого командира полка. В корпусе он пользовался достатком, так как отец мог баловать его карманными деньгами. Жадным не был, но не был особенно и щедр. Скорее это была скуповато-эгоистическая натура. Средние способности угнетали его: он сильно «зубрил», чтобы выбиться на поверхность, но это ему так и не удалось до конца. Физически он был вполне здоров, даже цветущ, но развития был очень слабого: гимнастика и танцы, а также и «фронт» (строевые занятия) были его слабым местом всегда. Он, видимо, сильно от этого страдал, но характера вытренировать себя не проявлял. В младших классах был в достаточной мере слезлив и обстановка корпуса, особенно в первых классах, его явно угнетала. Много этому способствовала первая встреча, оказанная ему на первых же шагах: при виде пухлого, розово-ланитного, малоповоротливого малыша второклассники

и «старички» (оставшиеся на второй год в 1-м классе) взяли его в оборот. Шлепали по щекам и другим мягким частям, тычки и щипки быстро вывели из равновесия новичка, и он заревел. Помню этот неистовый рев и удираание под защиту офицера-воспитателя. Долго он за эту жалобу носил кличку – «ябедник»! Ни ярких шалостей и проказ, ни примерного поведения – все обычно серое, не предвещало, что в будущем из него сконструируется «вождь»¹³⁴.

Автор этой характеристики в своих воспоминаниях стремился всячески очернить Дутова, что, на мой взгляд, связано с тем, что С.А. Щепихин в годы Гражданской войны не сумел достичь высот своего менее талантливового ровесника Дутова, получившего общероссийскую известность. Вместе с тем факты, приведенные Щепихиным, не должны вызывать сомнений, поскольку вряд ли являются вымышленными, он просто концентрирует свое внимание в основном на негативных чертах Дутова и отрицательных моментах его жизни, а кроме того, это практически единственное свидетельство о ранних годах Дутова. Вероятно, сам Дутов для своей официальной биографии сообщил несколько иные сведения, что его «кадетская жизнь была однообразна: ученье, праздничные отпуска к родным, так как родители почти все время жили в Туркестане. Только лето было праздником. Еще мальчиком А.И. горячо любил природу и свои родные степи. Целые дни проводил он в лугах и степи, участвуя в сельских работах со своими станичниками, или же бродил с ружьем

по озерам и речкам, зачастую по неделям живя в лугах и закаляя себя в тяжелых переходах в жару и привыкая к скромному питанию и простым ночлегам у костра в степи. Любовь к природе и знакомство с трудовой жизнью казаков оказали для будущей работы Атамана большую помощь. Неприхотливая жизнь и постоянные лишения закалили здоровье А.И., и только этим можно объяснить ту кипучую энергию и бодрость, каковая присуща нашему Атаману на его посту. В холерную эпидемию 1891 года А.И. жил в поселке Ново-Черкасском, тогда Воздвиженской станицы, видел несовершенство врачебной помощи, и с детских лет запал этот существенный недостаток в душу Атамана, и ныне на своем посту он широко идет навстречу врачебному персоналу в деле санитарной помощи населению станиц. В кадетские годы А.И. прочитал всех русских классиков и особенно увлекался историей; страсть к чтению была отличительной чертой Атамана. В короткие праздники А.И., приходя к родным, очень редко уходил из дома, предпочитая развлечениям книгу»¹³⁵

Сложно сказать, насколько достоверны эти сведения и не выдавал ли сам атаман и его соратники желаемое за действительное.

В 1890-х гг. учебный план кадетского корпуса, в котором учился Дутов, включал такие предметы, как Закон Божий, русский язык и словесность, французский и немецкий языки, математику, начальные сведения из естественной истории, физику, космографию, географию, историю русскую и

всеобщую, законоведение, чистописание и рисование¹³⁶.

Разумеется, Дутов, благодаря положению своего отца, имел самые благоприятные стартовые условия для службы, и в этом отношении можно утверждать, что талантливый самородком, как, например, Л.Г. Корнилов, он не являлся.

Глава 2

Начало пути

Училище. «Царская сотня»

По выпуске из корпуса в возрасте семнадцати лет Дутов был зачислен юнкером в казачью сотню Николаевского кавалерийского училища (1897 г.) и отправился в столицу. В училище без экзамена принимали выпускников кадетских корпусов и гражданских учебных заведений (на училищном жаргоне – «прибывших с вокзала») не моложе 16 лет. Обучение являлось платным. Казачья сотня Николаевского кавалерийского училища, неофициально именовавшаяся «царской сотней», была мечтой любого казака, стремившегося к офицерским погонам и блестящей карьере. Ведь Дутов вполне мог учиться и в казачьем юнкерском училище в Оренбурге, однако выбрал гораздо более престижный Петербург.

Вместе с Дутовым в училище прибыло 11 выпускников Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, всего же в младший класс училища в 1897 г. было зачислено 136 человек, включая 114 выпускников кадетских корпусов, 5 юнкеров, остававшихся в младшем классе на второй год (получавших чин «майора» в неформальной училищной иерархии) и

22 человека со стороны. Небезынтересно, что 5 из 11 бывших неплюевцев, включая Дутова, были произведены в старшем классе в портупей-юнкера (всего в потоке было 43 портупей-юнкера, 36 из них поступили в училище из кадетских корпусов), лишь один из одиннадцати закончил училище по второму разряду, остальные – по первому (всего в потоке по первому разряду училище окончил 121 юнкер, по второму – 11 и по третьему – 1, кроме того, один юнкер был оставлен в старшем классе на второй год; для бывших выпускников кадетских корпусов – 106, 9 и 1 соответственно)¹³⁷.

Само училище, или «Славная Школа», как его еще называли выпускники, было открыто в 1823 г. и как раз в период обучения Дутова в 1898 г. торжественно отмечало свой 75-летний юбилей. Сотня при училище появилась лишь в 1890 г. и (с 1891 г.) была рассчитана на 120 юнкеров всех казачьих войск. Позднее к этому количеству прибавилось еще 15 стипендиатов-кубанцев. Плата за обучение в начале 1890-х гг. составляла 600 руб. в год, в связи с чем некоторые юнкера из бедных семей, не имевших возможности оплатить обучение, были вынуждены переводиться в другие училища.

В сотне имелось четыре взвода. Обучение вели казачьи офицеры. В период обучения Дутова юнкера носили форму своих казачьих войск. Сотня размещалась на третьем этаже здания училища. При Дутове сотней командовал полковник Н.Я. Дьяков (командир сотни в 1891–1902 гг.)¹³⁸.

По воспоминаниям современников, юнкера сотни «были

известны в Петербурге как исключительная строевая часть по своей лихости и удали»¹³⁹. Девизом училища была фраза «И были дружною семьею солдат, корнет и генерал!»¹⁴⁰. При выпуске из училища юнкера-казаки выходили в части своих казачьих войск. Сотня, да и все училище в целом славились не только отличной строевой подготовкой, но и различными неформальными традициями, существовавшими в юнкерской среде. Традиции имели целью развитие лихости и, как тогда говорили, «отчетливости», а также любви юнкеров к прошлому¹⁴¹.

Отличительной чертой учебного процесса в «Славной Школе» был знаменитый «Цук»¹⁴² – не регламентированные уставом взаимоотношения между юнкерами старшего и младшего курсов, которые, однако, нравились младшим, поскольку приучали их к будущей офицерской службе и не унижали их¹⁴³. Старшие юнкера не имели права с неуважением даже дотронуться до младших, не говоря уже о немислимых в училище побоях. В случае драки все ее участники незамедлительно отчислялись от училища. То, что «цук» принимал уродливые формы, как утверждали советские авторы¹⁴⁴, совершенно не соответствует действительности. Один из выпускников училища впоследствии писал: «Цук, который, конечно, существовал в эскадроне, принес всем нам громадную пользу для будущей жизни в полках... выработал наш характер»¹⁴⁵. Другой выпускник вспоминал,

что «традиции Школы, цуканье и подтяжка не умалили силу нашей конницы, но, наоборот, они дали ей стойкость, дали дисциплинированных офицеров, связанных между собою неподдельной дружбой и спаянных воспоминаниями о славной старой школе»¹⁴⁶. Кстати, «цук» существовал и в других кавалерийских училищах¹⁴⁷. В казачьей сотне, тем не менее, существовали более доброжелательные отношения между старшими и младшими¹⁴⁸. Как вспоминал великий князь Гавриил Константинович, «казаки жили отдельно, в своих бараках, и «цуканья» у них не было. Они вообще были серьезнее юнкеров эскадрона и лучше их учились»¹⁴⁹. Есть еще одно свидетельство, правда относящееся к начальному периоду существования сотни, о том, что в сотне вовсе не было цука¹⁵⁰. В то же время встречаются упоминания о некотором антагонизме между сотней и эскадроном¹⁵¹.

Мало что понимавшая в подготовке офицеров петербургская интеллигенция к «цуку» относилась весьма неодобрительно¹⁵², такие же настроения были распространены и в армейской среде (среди не кавалеристов), судя по всему, они передались части училищных офицеров. Как раз в год зачисления Дутова в училище его новый начальник Генерального штаба генерал-майор П.А. Плеве предпринял неудачную попытку искоренения традиций¹⁵³. Эта попытка встретила дружный отпор училищных офицеров и юнкеров. По

воспоминаниям В.С. Трубецкого, «в Николаевском училище юнкера жили удивительно сплоченной кастой, и нравы там царили совсем особые. Дисциплина – адовая, а цук – из ряда вон выходящий, крепко вошедший в традицию. Говоря о традиции, я вообще должен сознаться, что другого такого учреждения, где сила традиции была бы столь велика, как в Николаевском училище, я нигде никогда не встречал... своим беспощадным цуком старшие закаливали младших, страшно дисциплинировали их, вырабатывали особую бравую выправку, по которой чуть не за версту всегда можно было узнать николаевца»¹⁵⁴.

Младшекурсники считались «сугубыми зверями», юнкера старшего курса казачьей сотни – «хорунжими», эскадрона – «корнетами». «Господа хорунжие» пытались привить своим младшим товарищам любовь к прошлому казачества и лихость. Основной традицией сотни был «ночной обход», во время которого происходило избрание старшим курсом группы наиболее авторитетных юнкеров – хранителей традиций из числа младшекурсников. Незадолго до выпуска юнкера старшего курса ночью выстраивались в сотенной спальне с шашками наголо и со свечами на их остриях и исполняли сотенную песню, после чего зачитывался приказ о назначении вместо выпускников новых «полковника», двух «войсковых старшин», двух «есаулов» и «хорунжего»¹⁵⁵ (по другой версии, «хорунжего» не было, а один из «есаулов» яв-

лялся еще и адъютантом сотни¹⁵⁶), на которых возлагалось соблюдение традиций и разрешение всех споров в сотне. Во время этой церемонии зачитывались стихи¹⁵⁷:

Серый день едва мерцает,
Скоро ночь пройдет,
Офицерство совершает
Свой ночной обход.

Впереди полковник бравый,
Вслед хорунжих ряд,
Жаждой удали и славы
Очи их горят.

Блещут шашки боевые,
Шпоры чуть звенят,
На погонах золотые
Звездочки горят.

Раздаются песни звуки
Храбрых казаков
Про великие заслуги
Дедов и отцов.

Про Азовское сиденье,
Вечную войну,
И Сибири покоренье,
И тоску в плену.

Запорожские походы
К туркам, полякам,
Покоренные народы
Храбрым казакам.

Мнится вольность удалая
В прежние века,
Сагайдачного, Нечая
Слава Ермака.

Слава вихря-атамана
И сквозь дым веков —
Бунты Разина Степана,
Бич бояр-купцов.

Русь! Гляди, какую силу
Казаки таят.
За Тебя сойти в могилу
Каждый будет рад.

Одно из наиболее ярких описаний поступления в училище оставил Е. Вадимов: «Нас – человек двадцать пять. Двадцать пять кадет одного и того же корпуса, которых ведет в военное училище последний раз сопровождающий своих питомцев кадетский офицер-воспитатель. Последний раз на наших плечах кадетские шинели и мундиры. Нас ведут к суровой юнкерской жизни. За спиною – семь лет крикливого,

веселого, беспечного, самоуверенного кадетства... Впереди – строгая тайна знаменитой «гвардейской школы» и связанной с нею беспощадной кавалерийской тренировки в течение двух лет. Жутко и торжественно...»¹⁵⁸.

Поступив в училище, юнкера закреплялись за «дядьками» – старшекурсниками, как правило, из одного с младшими кадетского корпуса¹⁵⁹, которые обучали своих младших товарищей различным правилам и манерам. Один из куплетов училищной «звериады» (песни) описывал наставления старших¹⁶⁰:

А вам, кадетам, гимназистам,
Забыть давно уже пора,
Что вы уж больше не мальчишки,
А Славной Школы юнкера.

Юнкера должны были все знать о приставленном к ним «дядьке» или «корнете» – в какой полк он собирался выйти, кто его возлюбленная и т. д. Кроме того, за юнкерами закреплялись лакеи, которые должны были следить за внешним видом своих подопечных. Старшие юнкера неформально поощряли манкирование «некавалерийскими» предметами, но в то же время требовали от младших самого серьезного изучения шашечных приемов, езды, джигитовки, вольтижировки¹⁶¹, иппологии¹⁶² и т. п. Существовали и другие неписанные правила. Между однокурсниками и в училище,

и после его окончания было принято обращение исключительно на «ты». При входе в помещение кого-либо из юнкеров старшего курса младшие должны были встать по стойке «смирно» до тех пор, пока им не будет разрешено сесть, и т. д. Младшие не могли ходить по одной из лестниц училища, которая называлась «корнетской».

Важной составляющей «цука» были вопросы об униформе и дислокации всех кавалерийских полков. Младшим необходимо было знать все об этом вплоть до мелочей. Причем нередко после весьма трудных вопросов старшие спрашивали: «Какие подковы в 4-м эскадроне лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка?» Некоторые «звери» безуспешно пытались выяснить особенности подков лошадей именно этого эскадрона, спрашивали у старших и т. д. Правильным же был ответ: «Обычные». Излюбленным был также вопрос о том, что такое прогресс. Ответ на него явно высмеивал тот пиетет, с которым к этому слову относилась тогдашняя интеллигенция. Юнкеру следовало ответить, что «прогресс есть констатация эксгибиция секулярных новаторов тенденции коминерации индивидуумов социал...»¹⁶³.

Существовала и другая сторона юнкерских традиций (впрочем, нехарактерная для сотни), способствовавшая формированию некоторого высокомерия и цинизма, отчасти присущих офицерам гвардейской кавалерии, в полки которой шло значительное количество выпускников училища¹⁶⁴. Один из юнкеров сотни писал о юнкерах эскадрона: «...

для них... знание Лермонтовской «звериადы» и манеж были выше научных знаний. Химия и механика признавались ими сугубо вредными науками, изучать которые позорно: за полученную хорошую отметку по сугубому предмету звали «мыловаром». Если же было необходимо исправить дурной балл, то рекомендовалось «приказами по курилке» держать книгу руками, одетыми в перчатки. Теми же приказами предлагалось после экзаменов сжигать учебники сугубых наук при торжественной обстановке, в каминах курительной комнаты. Чтением книг славные гвардейцы не увлекались. Несмотря на царивший в школе культ Лермонтова, музей его имени почти не посещался. Искусство интересовало их постольку, поскольку можно было встретить красивую наездницу или балерину в театре.

Идеология большинства заключалась в немногих словах:

Никаких карт – кроме игральных;

Никаких историй, кроме скандальных;

Никаких языков, кроме копченных;

Никаких тел, кроме женских.

Карты, истории, языки и тела, сходные с учебными предметами лишь по названию, кавалеристы находили в отдельных кабинетах ресторанов, где отдыхали душой от сурового училищного режима. Несмотря на запрещение посещения юнкерами ресторанов, в пирушках порой участвовали некоторые офицеры эскадрона...»¹⁶⁵.

Занятия в училище начинались с 8 часов утра и продолжа-

лись до полудня, после чего был перерыв на завтрак. Юнкера сотни и эскадрона посещали лекции совместно. Ежедневно проводилось 4 часа физических упражнений, 3 часа лекций и в течение 2 часов юнкера готовились к репетиционным экзаменам¹⁶⁶. Навыки верховой езды укреплялись у юнкеров благодаря ежедневным занятиям в течение двух лет. Сначала юнкеров заставляли ездить «по-скифски», т. е. без седла, после чего ездить верхом было уже легче. Казаки начинали освоение лошади с езды без стремян на драгунских ленчиках¹⁶⁷, что было крайне мучительно, таким образом, переход на казачье седло воспринимался с облегчением. В числе основных требований была постоянная смена лошадей во избежание привыкания к какой-либо одной. В сотне два раза в неделю проходила джигитовка, способствовавшая выработке у юнкеров-казаков лихости. При подобных тренировках юнкера неизбежно получали массу травм, однако это не останавливало тех, кто действительно стремился служить в кавалерии. «Корнеты» часто заставляли «зверей» выполнять приседания, повороты кругом, что было бесполезно для выработки правильной посадки в седле. В ходе упорных тренировок юнкера должны были заслужить свои первые кавалерийские шпоры.

Важной вехой в жизни каждого будущего офицера была присяга, после которой «цук» резко ослабевал. Текст присяги в период обучения Дутова был следующим: «Я, нижеподписанный, обещаю и клянусь Всемогущим Господом пе-

ред святым его Евангелием и животворящим Крестом Господним в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилоостивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, верно и неллицемерно служить! В заключение сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь»¹⁶⁸.

В день присяги юнкера получали свой первый городской отпуск, в который дозволялось идти в форме, и непременно посещали петербургский цирк Чинизелли. После присяги на быт юнкеров училищной традицией накладывались некоторые ограничения, связанные с изменением их статуса (формально юнкера считались нижними чинами). В частности, они уже не могли ездить в трамвае (впрочем, выходили из положения и ездили на подножках) или ходить пешком (чтобы не быть как пехота), а должны были брать извозчика и платить ему независимо от расстояния целковый, пешком можно было прогуливаться лишь от Дворцовой набережной до улицы Морской¹⁶⁹. Два лета подряд юнкера участвовали в съемках местности, решении тактических задач и маневрах в районе Красного Села и Дудергофа, причем для старшего курса эти маневры оканчивались производством в офицеры в присутствии императора. Переводные экзамены на старший курс были не сложны, труднее были выпускные.

Чтобы стать портупей-юнкером, Дутову, прибывшему, как говорили на училищном жаргоне, из оренбургского «болота» (т. е. из кадетского корпуса), пришлось очень поста-

ратся и быть, используя тот же жаргон, «отчетливым сугубцем». 11 февраля 1899 г. на старшем курсе он был произведен в унтер-офицеры и в портупей-юнкера¹⁷⁰. Очевидно, это далось ему нелегко. По свидетельству С.А. Щепихина, «здесь А.И. Дутов также на положении средняка (так в документе. — А. Г.), а по строю даже из числа отсталых. Но здесь ярче начинает выступать самолюбие и честолюбие. Говорили, что отец обещал его выпороть, если он не получит «лычки» (нашивки портупей-юнкера), и он их добился, несмотря на плохой строй. В училище он начал франтить (благо отец высылал деньги) и пустился в свет, но ни в дебошах, ни в выпивках участия заметного не принимал»¹⁷¹. При выпуске юнкера в Красном Селе проезжали церемониальным маршем перед императором, после чего спешивались, получали от флигель-адъютантов типографские приказы о производстве, их ряды обходил император и благодарил за смотр. Вслед за этим юнкера садились верхом и неслись что есть мочи к баракам, где их уже ожидала новенькая офицерская форма. Спустя один-два дня в одном из лучших петербургских ресторанов проводился традиционный *обед* выпускников, после которого они разъезжались по своим полкам.

Училище Дутов окончил по первому разряду (это давало преимущество в старшинстве) в 1899 г., в своем выпуске был в первом десятке, Высочайшим приказом 9 августа 1899 г. он был произведен в хорунжие со старшинством с 8 августа 1898 г. и направлен в 1-й Оренбургский казачий

полк под командованием полковника Н.В. Авдеева, стоявший в Харькове¹⁷². По существовавшим правилам за воспитание в училище он должен был прослужить три года на действительной службе. По некоторым данным, Дутов среди офицеров считался признанным стрелком из револьвера и даже несколько раз выигрывал атаманский приз¹⁷³. К слову сказать, 1 мая 1900 г. на службу в этот же полк прибыл отец будущего атамана войсковой старшина И.П. Дутов (вместе с сыном он прослужил *более* года, до конца мая 1901 г.).

Прослужив на новом месте менее года, Дутов-младший в июне 1900 г. отправился в 3-ю саперную бригаду, стоявшую в Киеве, изучать телефонное дело. По возвращении в полк Дутова назначили заведующим конно-саперной командой, кроме того, он в 1900–1901 гг. выполнял ряд общественных обязанностей – являлся полковым библиотекарем, а также, по некоторым данным, членом офицерского заемного капитала (кассы взаимопомощи). В своей конно-саперной команде, как сообщает официальная биография, Дутов «довел обучение до совершенства, пользуясь любовью казаков и не применяя репрессивных мер и других тяжелых наказаний. Команда саперов была настолько хороша, что ее выводили на специальные смотры иностранных агентов как образцовую. До сих пор (до 1919 г. – А. Г.) у казаков этой команды бережно хранятся фотографии их молодого командира и вспоминаются с радостью эти дни службы (сведения эти получены от депутата Войскового Круга станицы Наследницкой, быв-

шего вахмистра этой команды Н.П. Иванова. – А. Г.)»¹⁷⁴. Во время службы в Харькове Дутов в технологическом институте императора Александра III слушал лекции по электротехнике, которой он увлекался, своей специальностью он избрал телеграфное и телефонное дело, причем практические навыки в этой области сохранил на всю жизнь и уже в годы Гражданской войны часто сам читал телеграфную ленту и работал на аппарате¹⁷⁵. В 1901 г. он вновь был направлен в Киев для изучения саперного дела, причем вернулся в полк после курса обучения саперному делу с характеристикой «выдающийся»¹⁷⁶.

Чтобы не идти на льготу (3—4-летний обязательный перерыв в службе казачьего обер-офицера, вызванный необходимостью развертывания казачьих полков 2-й и 3-й очереди в случае войны), полагавшуюся в Оренбургском казачьем войске после трех лет строевой офицерской службы, Дутов решил перевестись в инженерные войска, где в строевой службе офицера не было таких перерывов, как в казачьих войсках. Вероятно, за счет этого он хотел быстрее выслужить следующий чин. На проблеме офицерской льготы имеет смысл остановиться *более* подробно¹⁷⁷. Надо сказать, что вопрос о необходимости офицерской льготы в казачьих войсках вызывал в начале XX в. довольно серьезные разногласия на страницах центральной военной печати. Этот вопрос имел как военную (совершенствование подготовки ка-

зачьих офицеров), так и экономическую (необходимость повышения жалования казачьих офицеров на льготе) подоплеку.

Офицерская льгота существовала для того, чтобы казачьи войска, которые в военное время в несколько раз увеличивали свою численность за счет призыва льготных казачков, имели подготовленный запас обер-офицеров. В Донском, Уральском и Оренбургском казачьих войсках офицеры числились в трех очередях строевых частей, постоянно переходя из очереди в очередь. В первоочередных частях они состояли, как правило, три года, а в льготных – в зависимости от полноты и соотношения штатного состава офицерских чинов в первоочередных частях мирного времени к комплекту офицеров военного времени¹⁷⁸.

В начале XX в. донские, уральские и оренбургские казачьи офицеры, как правило, состояли на льготе по 3–4 года. Уходя на льготу, офицеры лишались полного содержания, которое они получали лишь на службе в первоочередных частях. Вопрос стоял так остро, что казачьи офицеры даже стали чаще отдавать своих сыновей на учебу не в военные, а в гражданские учебные заведения, чтобы те избежали лишения на льготе. В будущем это грозило некомплектом офицеров казачьих войск¹⁷⁹.

Последовательным противником льготы выступал П.Н. Краснов. Он считал, что льгота мешала подготовке офицерских кадров, так как ко второму году своей службы офицер

начинает думать о льготе, а не о службе. Льгота представлялась Краснову как безделье, за которое еще вдобавок платили жалованье¹⁸⁰. Со временем первой льготы у казачьего офицера, как правило, совпадал период возмужания и первой любви, который, по мнению Краснова, обычно на льготе заканчивался «довольно примитивным романом и таким же браком», а вскоре, с рождением детей, казачий офицер погружался в постоянные заботы о семье¹⁸¹. Денег не хватало, и офицер жил мечтой о скорейшем получении сотни в командование. С командованием сотней обычно связывалась надежда на прибавление жалованья на 30 руб. и, что особенно важно, на дополнительный доход в виде остатка от фуражных и иных финансовых операций. У офицерской льготы, как утверждал П.Н. Краснов, было две основных причины: а) необходимость развития у казаков культурного сельского хозяйства при помощи офицера-помещика; б) необходимость создания офицерского запаса для развертывания в случае необходимости второй и третьей очередей. Однако первая причина к началу XX в. уже утратила свою актуальность в связи с массовым разорением и обезземеливанием офицеров-дворян, которые на льготе просто прозябали на казенном пайке. В записке военному министру о наболевших казачьих вопросах, поданной в 1902 г., между прочим, говорилось и об уничтожении льготы обер-офицеров первоочередных казачьих полков¹⁸².

В защиту офицерской льготы в качестве критика статьи П.Н. Краснова выступил оренбургский казачий офицер Л.Н. Доможиров¹⁸³. Он считал, что льгота сближает казачьих офицеров с простыми казаками, казачьи офицеры, благодаря льготе, не так сильно тяготятся службой, которая носит, таким образом, разнообразный характер. В отношении ранних браков, о которых писал Краснов, Л.Н. Доможиров ссылался на отсутствие такой статистики и неясность вопроса, кто женится раньше – казачьи или армейские офицеры. Справедливыми, по мнению Доможирова, были устремления казачьих офицеров как можно скорее получить сотню. Дело в том, что чинопроизводство в казачьих войсках и в регулярной кавалерии шло по-разному и многие подъесаулы, отслужив 23 года, продолжали командовать взводами, тогда как в регулярной кавалерии офицер уже после 12–13 лет службы, как правило, получал эскадрон и чин ротмистра. Завершая свою статью, Л.Н. Доможиров заявил, что «приказ... об упразднении льготы будет смертным приговором казачеству: появится, может, тогда на Руси кавалерия из казаков, – но самих казаков не будет!»¹⁸⁴.

В ответной статье Краснов, обосновывая причину ее написания, отметил, что «не стал бы писать о статье г. Л.Н. Доможирова, если бы она не была написана талантливо. Талант, как всякое хорошее орудие, часто бывает опасен...»¹⁸⁵. В офицерской льготе Краснов усмотрел причину неудач ка-

заков на полях Русско-японской войны. Выход Краснову виделся в повышении уровня образования казачьих офицеров и, вероятно, в их трудоустройстве на период льготы. Саму льготу он характеризовал как «ленивое прозябание в теплой избе, на полатах»¹⁸⁶ и утверждал, что казачий офицер ею материально раздавлен. Однако уже в 1911 г. в связи с прибавкой жалованья льготным офицерам экономическая составляющая вопроса об офицерской льготе утратила свою остроту¹⁸⁷.

Итак, в 1902 г. молодой способный офицер Дутов был командирован сначала в Киев для предварительного испытания при штабе 3-й саперной бригады на перевод в инженерные войска, а выдержав испытания, направлен в Санкт-Петербург для сдачи экзамена при Николаевском инженерном училище на право прикомандирования к инженерным войскам. Подготовка заняла четыре месяца, а затем, успешно сдав экзамен за весь курс училища (по свидетельству официальной биографии, – первым¹⁸⁸), Дутов был отчислен в распоряжение Главного инженерного управления и командирован в 5-й саперный батальон (командир – полковник Н.П. Червинов – впоследствии генерал-майор, участник антибольшевистского движения на Востоке России) для испытания по службе и последующего перевода. Тем не менее, по утверждению С.А. Щепихина, «не будь случая, т. е. революции, вероятно, Ал[ександр] И[льич] так и тянул лямку

сапера, так как мечтать об инженерной академии он, конечно, не мог: курс ее совершенно не соответствовал его математическим способностям!»¹⁸⁹. Сложно сказать, насколько способным к учебе человеком был Дутов, но не думаю, что будет ошибкой определить его способности на уровне выше среднего.

5-й саперный батальон был расквартирован в киевских Никольских казармах на Московской улице. Прибыв в батальон 30 июня 1902 г., Дутов спустя три месяца, был назначен преподавателем саперной, а с 1903 г. – телеграфной школы. Помимо этой работы, он заведовал батальонной солдатской лавкой. 1 октября 1903 г. Дутов был произведен в чин поручика. С.А. Щепихин писал: «Из училища Дутов по протекции отца перешел в саперные части, где закрепились у него дружба с семейством Сахаровых (тоже из гор[ода] Оренбурга), с одним из членов которого, нашим одноклассником Костей Сахаровым, он подружился, а затем и женился на сестре последнего»¹⁹⁰. На мой взгляд, протекция И.П. Дутова вряд ли могла распространяться за пределы Оренбургского казачьего войска, так что к этому тезису Щепихина следует отнестись критически. Однако свидетельство Щепихина о бракосочетании Дутова является достоверным. Действительно, Дутов в этот период женился на Ольге Викторовне Петровской, происходившей из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. По одной из характеристик, это была женщина «вежливая, скромная и в обращении простая.

Небольшого росточка, темноглазая, темноволосая»¹⁹¹. Разумеется, «Костя Сахаров» – это будущий Генерального штаба генерал-лейтенант и главнокомандующий армиями Восточного фронта (4 ноября – 9 декабря 1919 г.) Константин Вячеславович Сахаров (1881–1941). В то же время очевидно, что Ольга Викторовна не могла приходиться ему родной сестрой, а являлась, предположительно, двоюродной.

В Академии Генерального штаба

Стремление к знаниям не оставило Дутова и на новом месте. Он, как и будущий вождь Белого движения на Юге России А.И. Деникин, понимал, что «для непривилегированного офицерства иначе как через узкие ворота «генерального штаба» выйти на широкую дорогу военной карьеры в мирное время было почти невозможно»¹⁹², и принял решение поступить в Николаевскую академию Генерального штаба. Чтобы попасть в академию, в начале XX в. офицеру необходимо было прослужить не менее трех лет в строю и принять участие как минимум в двух лагерных сборах¹⁹³.

Успешно сдав летом 1904 г. предварительные письменные экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба при штабе Киевского военного округа (тактика, политическая история, география, русский язык, верховая езда), 25-летний Дутов вновь отправился в столицу, чтобы выдержать вступительные испытания непосредственно при академии – строевые уставы, артиллерия, фортификация, математика (арифметика, начальная алгебра, геометрия, прямоугольная тригонометрия), военная администрация, политическая история, география, топографическое черчение, русский и иностранные языки. На подготовку и сдачу вступительных экзаменов в академию у офицеров, как правило,

уходил год напряженного труда¹⁹⁴. Причем процент отсева поступающих, даже на этапе предварительных испытаний, был довольно велик. Тем не менее, по итогам экзамена Дутов был зачислен на младший курс академии.

Едва начав учиться в академии, он в ноябре 1904 г. возвращается в свой саперный батальон и в декабре едет в командировку в город Умань за лошадьми по конской повинности. Во время командировки он получает назначение на должность начальника кабельного отделения, в каковой находится до 11 сентября 1905 г. Единственным объяснением этих событий в жизни Дутова является то, что велась подготовка к отправке батальона на Дальний Восток, где уже почти год шла неудачная для России война с Японией. По имеющимся сведениям, будущий казачий вождь пошел на войну добровольцем. Его саперный батальон в составе 2-й Маньчжурской армии принял участие в Русско-японской войне на ее заключительном этапе. Поручик Дутов находился в Маньчжурии с 11 марта по 1 октября 1905 г., причем за «отлично-усердную службу и особые труды» во время боевых действий в январе 1906 г. приказом по армии был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, награждение было утверждено императором лишь через год, в январе 1907 г.¹⁹⁵ Необходимо отметить, что пожалованный Дутову орден не имел мечей, то есть награждение состоялось не за отличие на поле боя. Скорее всего, Дутов отличился при строительстве укреплений или по хозяйственной части. К тому же его

пробывание на театре военных действий пришлось на период после мукденских боев, когда крупномасштабные боевые действия на сухопутном театре уже практически не велись. Кроме того, он получил темно-бронзовую медаль в память Русско-японской войны. Такие медали выдавались лицам, не принимавшим участия в боях, но состоявшим на службе в действовавших армиях¹⁹⁶. Портрет Дутова в 1909 г. был напечатан в фотоальбоме «Участники русско-японской войны»¹⁹⁷, куда, разумеется, попадали фотографии далеко не всех офицеров и нижних чинов. После войны Дутов возобновил учебу в академии. В период обучения Дутова во главе академии стояли Н.П. Михневич (1904–1907) и Д.Г. Щерба-чев (1907–1913).

Корпус офицеров Генерального штаба как особая замкнутая корпорация внутри русского офицерского корпуса окончательно оформился в 90-х гг. XIX в.¹⁹⁸ К началу XX в. престиж офицера Генерального штаба значительно возрос. Офицеры Генштаба, представляя элиту русской армии, были кандидатами на высшие командные и штабные должности. Поэтому строевые офицеры к генштабистам относились плохо и, завидуя их быстрому карьерному росту, придумали для них презрительную кличку – «момент»¹⁹⁹. Генштабисты платили строевикам той же монетой и сами свысока смотрели на тех, кто не учился в Николаевской академии Генерального штаба, считая их неудачниками и людьми, несведущи-

ми в военной науке.

Взаимоотношения между самими офицерами Генштаба – сюжет для отдельного исследования. Здесь были свои противоречия, обусловленные различиями в происхождении офицеров, их принадлежностью к гвардейским или армейским частям. Вместе с тем в академические годы однокурсники образовывали своеобразные землячества и группировались по военным округам²⁰⁰. Многие офицеры после окончания академии поддерживали дружеские взаимоотношения и следили за продвижением своих бывших однокашников по службе. Более того, бывшим слушателям академии по характеру своей работы в военных округах приходилось находиться в постоянном контакте друг с другом, вращаться как бы в своем закрытом для посторонних сообществе. Порой именно конфликты внутри этого сообщества или же служебные неудачи становились основной причиной перехода генштабистов на службу советской власти после 1917 г. Примерно в одно время с Дутовым в академии учились и, весьма вероятно, уже в академические годы были знакомы его будущие соратники по борьбе в годы Гражданской войны М.Г. Серов, И.М. Зайцев, Н.Т. Сукин и С.А. Щепихин.

Годы учебы были серьезным испытанием для слушателей академии, учебный курс которой был достаточно труден, а программа, по мнению многих выпускников, перегружена²⁰¹. В чем-то такой подход являлся оправданным, ведь от полученных слушателями навыков зависели жизни людей и

исход боевых действий. Основным курс обучения в академии был разделен на два годичных класса (младший и старший) и состоял как из теоретических, так и из практических занятий. Главными предметами являлись тактика, стратегия, военная администрация, военная история, военная статистика, геодезия, вспомогательными – русский язык, сведения по части артиллерийской и инженерной, политическая история, международное право, иностранные языки. Что касается иностранных языков, то изучение как минимум одного из них являлось обязательным, два других языка можно было изучать по желанию. Между слушателями академии существовала острая конкуренция, связанная с рейтинговой системой оценок при выпуске.

Отбор кандидатов в Генеральный штаб был многоступенчатым и практически исключал доступ туда случайных людей. Достаточно отметить, что в процессе обучения от академии в начале XX в. отчислялось не менее 40 % зачисленных в младший класс офицеров²⁰². В то же время успех или неудача в академии много значили в карьере и жизни офицера, предопределяли всю дальнейшую службу офицера, круто меняли характер человека и его жизненные установки.

Обучение в академии одного офицера обходилось государству в 40 000 руб.²⁰³ Оценки за сдачу предметов выставлялись по двенадцатибалльной шкале: «отлично» – 12 баллов, «весьма хорошо» – 10–12 баллов, «хорошо» – 8–9 баллов, «удовлетворительно» – 6–7 баллов, «посредственно» –

4–5 баллов, «слабо» – 1–3 балла. Летом слушатели участвовали в съемках и практических занятиях по тактике. Офицеры, получившие по окончании старшего класса в среднем не менее 10 баллов и не имевшие неудовлетворительных оценок, считались окончившими курс по первому разряду и зачислялись на дополнительный курс. Те, кто получил менее 10 баллов, считались окончившими академию по второму разряду и отчислялись в свои части. Такие офицеры, «не попавшие в Генеральный штаб, быть может, благодаря только нехватке какой-нибудь маленькой дроби в выпускном балле, возвращались в строй с подавленной психикой, с печатью неудачника в глазах строевых офицеров и с совершенно туманными перспективами будущего»²⁰⁴.

Дутов окончил два класса академии по первому разряду и дополнительный курс «успешно», но «без права на производство в следующий чин за окончание академии и на причисление к Генеральному штабу»²⁰⁵, что выработало в нем настоящее чувство собственной неполноценности, которое он пытался преодолеть всю свою жизнь. О том, что его не оценили в академии, он впоследствии часто вспоминал и сильно переживал эту неудачу²⁰⁶. Однако неудовлетворенность своими достижениями, возникшая у Дутова после академии, до 1917 г. никак себя не проявляла. Но возможно, получив весной 1917 г. шанс реабилитироваться в собственных глазах и в глазах окружающих, Дутов ухватился за него и

в полной мере этим шансом воспользовался. Его сокурсник С.А. Щепихин вспоминал, что однажды, в начале октября 1919 г., Дутов сказал ему: «Да, Сережа, вот тебе и Генеральный штаб. Меня не пожелали, выгнали, забраковали, а вот какие дела можно делать и без марки, штемпеля Генштабиста! И заметь, все около меня бывшие – Вагин, Зайцев, Махин²⁰⁷ – все это второразрядники, не чистый Генеральный штаб!» Что я ему мог сказать?! Мне было неловко, что такой человек, такое имя и не имеет чутья и такта подавить, вытравить из своей души все прежние обиды»²⁰⁸.

Конечно, академический балл спустя годы после окончания академии мог и не иметь большого значения для оценки способности его выпускников руководить войсками, так как не учитывал их практического опыта, накопленного в Первую мировую и Гражданскую войны. Но хочется верить, что назначение второразрядников на высшие посты в Оренбургском казачьем войске не стало целенаправленной политикой Дутова. Тем не менее, если верить Щепихину, можно сделать вывод, что для Дутова при назначениях на высшие должности личные предпочтения вполне могли быть важнее способности кандидата к работе по данной должности. Поражение антибольшевистского движения на Южном Урале в таком контексте выглядит еще трагичнее. С другой стороны, вполне допустимо предположить, что Дутов, исходя из собственного опыта, не придавал значения только формальным признакам (разряду окончания академии, причислению или

непричислению к Генштабу), а, наоборот, назначал людей за их способности, деловые и личные качества. Это меняет ситуацию. Кстати, в связи с переходом академии Генерального штаба к белым в 1918 г. Дутов телеграфировал в Челябинск: «Уверен, что академики своим опытом и знанием помогут Родине, армии вернуть былую славу»²⁰⁹.

Тот же Щепихин не без сарказма вспоминал: «...в Академии Дутова я встретил уже отцом семейства. Жил он хорошо – были средства хорошие у жены (маленькое поместье), да и отец помогал. Занимался он усердно, и в доме все было к его услугам. Помню случай: как-то один из его малышей порвал готовое к подаче руководителю практических работ Академии кроки²¹⁰. Вместо того чтобы засесть быстро за работу и восполнить к сроку пробел, Александр] Ильич (Дутов. – А. Г.) ушел на два дня из дома («пропал») и на сдачу работ не явился. За это время он обошел всех своих знакомых и тоскливо со слезами (плакал и мне (т. е. СА. Щепихину. – А. Г.) в жилет) сетовал на неудачную свою семейную жизнь! «Из-за семьи и академию не кончишь!» – роптал он. Его утешали, и кто-то дал совет – отдать начертать кроки другому. Как все кончилось, не помню, но слезы его запомнились и немало в свое время изумляли всех. Попал я с ним к одному руководителю по статистике. Задано было описание (стратегическое) района побережья возле Красной Горки. Вместо того чтобы приняться за отчетную работу, А[лександр] И[льич] начал обходить все старшие курсы академии

и справляться, каковы требования у руководителя. Этот прием, между прочим, был довольно распространен: при полной независимости руководителей в требованиях, предъявляемых к слушателям, а также отсутствию в академии однообразных требований – указанный способ не был излишним, если только сведения могли быть основательны и объективны. Дутову кто-то сообщил за достоверное, что руководитель требует краткости и ясности. Сказано – сделано. При проверке – все работы подверглись критике. И дутовская работа заслужила за свою краткость одобрения. В то же время другому офицеру руководитель, не порицая его словоохотливости, сделал несколько якобы колких замечаний – «почему мало оттенены такие данные, как осенние морские туманы и их влияние на операции». Дутов сиял как блин, а в результате получил «семь», а другой офицер, о котором упомянуто, «11». Дутов до слез был взволнован. Зная, что отметки руководителей не подлежат критике, обжалованию и изменению, а также то, что его претензия ударит больно по его товарищу, Дутов все же подал жалобу, где указывал, что его работа была «похвалена», а работа другого критиковалась, высказал свою личную догадку – «не произошла ли путаница и ошибка в списке и что не ему ли в действительности присуждена отметка «11», а другому офицеру «7». Однокурсники, всегда живо реагирующие на всякого рода трения, сразу отшатнулись от Ильича, что своим откровенным, но не обоснованным [заявлением] он не постеснялся «топить» своего

товарища... Вскоре и от администрации Академии был получен ответ, что ошибка исключена и что руководитель подтвердил правильность дутовской семерки, но, конечно, без подробного объяснения причин. Так Дутов неосмотрительно погубил свою репутацию в нашей среде. Я потом не раз с ним беседовал по этому поводу. Он упрямо настаивал, что он был прав и что руководитель к нему «придрался». При каждом разговоре у него потело лицо и слезы явно выступали на глазах. «Ого! – подумал я. – Да ты честолюбец не в меру!» Окончить Академию Дутову благополучно не удалось – он попал под черту и в Генеральный штаб не попал. Два года он мобилизовал все свои связи и знакомства, чтобы попасть в Генеральный штаб, но так это ему и не удалось. Это был червь, точивший его все время... Даже когда я его встретил уже в зените славы, даже и тогда он не без горечи и яду сказал мне, что вот, слава богу, и без Академии он сумел выдвинуться... «Впрочем, не во мне первом Академия наша ошибается...» Намек на случай со Скобелевым (Белым Генералом)... Так сам себя высоко ценил тогда Дутов. Не с целью дискредитировать Атамана, а с целью лишь указать, что никаких задатков «вождя» у Дутова не было, хотя я его близко знал включительно до Академии»²¹¹.

Характеристика Щепихина крайне субъективна, поэтому обращусь к более объективным данным об успеваемости Дутова в Академии. К сожалению, данные эти страдают неполнотой, так как в делопроизводстве Николаевской академии

Генерального штаба сохранились лишь отдельные результаты его успеваемости.

Таблица 2

Успеваемость поручика 5-го саперного батальона А.И. Дутова в младшем классе академии (1905/06 учебный год)²¹²

Предмет	Балл
Военная администрация	10
Тактика	10
Тактика (полевые занятия)	9
Общая история военного искусства	11
История военного искусства в России	9
Сведения по части артиллерийской	10
Сведения по части инженерной	12
Политическая история (русская, общая, средний балл)	9; 9; 9

Из таблицы видно, что высший балл А.И. Дутов получил за курс сведений по части инженерной, имел неплохие результаты по общей истории военного искусства, тактике, артиллерии и военной администрации.

Таблица 3

Успеваемость штабс-капитана 5-го саперного батальона А.И. Дутова в старшем классе академии (1906/07 учебный год)²¹³

Предмет	Балл
Военная администрация	11,5
Военная администрация (практические занятия)	11
Стратегия	12
Тактика (элементарная, прикладная, средний балл)	9; 11; 10
Тактика (практические занятия)	10,5
Военная статистика (русская, иностранная, средний балл)	10; 9; 9,5
Военная история (1870—71; 1877—78; средний балл)	10; 10; 10
Сведения по части инженерной	9
Фортификация (практические занятия)	10,5
Русский язык	-
Французский язык	9
Немецкий язык	9
Английский язык	9
Баллы за съемки (1-я, 2-я, средний балл). Полковник А.К. Баиов.	10,5; 11,5; 11

В старшем классе лучший балл Дутов имел по стратегии, чуть ниже был его результат по военной администрации. В период Гражданской войны Дутов подтвердил правильность академических оценок по этим дисциплинам, прославившись именно как талантливый администратор и стратег. С трудом давалась будущему атаману тактика, еще тяжелее иностранные языки и, как ни странно, инженерное дело, хотя до академии он выдержал экзамен при Николаевском инженерном училище и служил в инженерных войсках! В то же время среди приведенных результатов нет ни одного ниже оценки «хорошо», что свидетельствует о достаточно высоком уровне знаний молодого офицера.

31 мая 1907 г. у Дутова родилась дочь Ольга, воспитанниками при крещении были Николаевской академии Генер-

рального штаба поручик Константин Вячеславович Сахаров и жена есаула Александра Алексеевна Мельникова²¹⁴.

С 1869 г. для совершенствования практических навыков будущих генштабистов в академии был учрежден дополнительный курс продолжительностью шесть месяцев²¹⁵. До 1897 г. к Генеральному штабу причисляли всех офицеров, окончивших дополнительный курс, и лишь позднее стали отбирать лучших. На дополнительном курсе слушатели самостоятельно разрабатывали три темы: по военной истории, по военному искусству и по стратегии.

Таблица 4

Успеваемость штабс-капитана 5-го саперного батальона А.И. Дутова на дополнительном курсе академии (1907/08 учебный год)²¹⁶

Оценки, полученные будущим атаманом по первой и третьей темам дополнительного курса, можно назвать провальными. Судя по всему, именно из-за этих результатов ворота Генерального штаба оказались для него закрытыми. Дутов явно не был в числе выдающихся слушателей академии, не способствовало этому наличие у него семьи и детей (по статистике, в начале XX в. лишь около 55 % казачьих офицеров и около 52 % обер-офицеров были женаты²¹⁷), разумеется отвлекавшее его от учебы, однако можно предположить, что окончание академии дало ему достаточно широкий кругозор

и, вероятно, способствовало тому, что впоследствии он оказался в числе ведущих политических деятелей России.

Предмет/экзаменатор	Балл
Доклад первой темы. 10 октября 1907 г. Полковник Н.А. Данилов, полковник П.Д. Комаров	8
Доклад второй темы. 27 ноября 1907 г. Генерал-майор Аметистов, подполковник А.А. Незнамов	10
Доклад третьей темы (отделы: военно-статистический; военно-административный; стратегический; общий средний балл). 26 апреля 1908 г. Генерал-майор Г.Г. Христиани, генерал-майор А.В. Де Витт, полковник Н.Н. Янушкевич	8; 9; 9; 8,7

После неудачи

По окончании дополнительного курса академии выпускники распределялись по военным округам для прохождения штабного ценза, причем первые десять офицеров в выпуске имели право назначения на вакансии в Петербургском военном округе. За каждый год обучения полагалось прослужить полтора года в военном ведомстве. Для ознакомления со службой Генерального штаба штабс-капитан Дутов был направлен в Киевский военный округ, в штаб X армейского корпуса, расположенный в Харькове. После трехмесячной практики Дутов осенью 1908 г. вернулся в свой 5-й саперный батальон, где не был с 1905 г.

Между тем в его отсутствие в батальоне имели место довольно драматические события – в ноябре 1906 г. произошел бунт нижних чинов 3-й роты, впрочем достаточно быстро подавленный²¹⁸.

Прослужив в батальоне лишь четыре месяца, Дутов в начале 1909 г. выехал во «временную командировку» в свое родное Оренбургское казачье войско и занял должность преподавателя Оренбургского казачьего юнкерского училища.

Почему он так поступил, чем руководствовался при стремлении попасть на такую, вроде бы незначительную для выпускника академии должность?! Документальных свидетельств об этом нет. Но возможных причин несколько: во-

первых, Оренбург являлся родным городом Дутова, где жили его родители и многочисленная родня, во-вторых, Дутов мог перевестись в училище, чтобы получить спокойное, тихое место и комфортно жить, посвятив себя семье, наконец, еще одна возможная причина – стремление Дутова реализовать свои навыки, полученные в академии и в инженерных войсках. Такой шаг характеризует Александра Ильича в этот период его жизни отнюдь не как карьериста.

Крайне сложно судить о внутреннем мире и переживаниях другого человека, который к тому же жил в уже навсегда ушедшую от нас эпоху, однако все же можно допустить, что в молодом и честолюбивом офицере после академической неудачи произошел какой-то внутренний перелом, в результате которого он осел в провинциальном Оренбурге и удалился, можно сказать, в частную жизнь.

Продлевая свою «временную командировку», Дутов в сентябре 1909 г. добился сначала перевода в училище помощником инспектора классов с переименованием в подесаулы, а в марте 1910-го и зачисления в войско. К этому времени Дутов уже был есаулом. С 1909-го по 1912 г. он прослужил в училище на разных должностях, временно исполнял должность инспектора классов, был даже ктиторм (т. е. старостой или заведующим хозяйством) училищной церкви.

Училище, основанное в декабре 1867 г., в этот период считалось образцовым. В официальном отчете об осмотре училища летом 1909 г. сообщалось: «В Оренбургском каза-

чем юнкерском училище дело конного обучения поставлено правильно, и юнкера хорошо подготовлены в этом главном деле их будущей службы. Основной недостаток юнкеров – **отсутствие выправки и известного щегольства в приемах и движениях, которое должно отличать офицера от рядового казака** (подчеркнуто карандашом в тексте. – А. Г.). Причины этому те же, что и в Новочеркасском казачьем юнкерском училище: малая культурность класса, поставляющего юнкеров в училище, широкая учебная программа, отнимающая много сил и времени; в училище проходит английский язык, и, по отзывам начальника училища, с большим успехом. Если юнкера выигрывают в сравнении с юнкерами Новочеркасского училища, то исключительно благодаря энергии начальника Оренбургского училища и отчасти недурному составу офицеров...»²¹⁹. В 1910 г. училище было приравнено в правах к военному и стало называться Оренбургским казачьим училищем. По штату в этом учебном заведении должно было обучаться 120 юнкеров, причем только 36 из них представляли Оренбургское войско, остальные были выходцами из других казачьих войск, за исключением Донского, имевшего свое училище в Новочеркасске. Срок обучения составлял три года²²⁰.

Среди подопечных Дутова были портупей-юнкер Ф.И. Елисеев (окончил училище в 1913 г.), создавший позднее монументальный свод воспоминаний о кубанском казачестве периода Первой мировой и Гражданской войн, и юн-

кер Г.М. Семенов (окончил училище в 1911 г.), впоследствии атаман Забайкальского казачьего войска. Уже находясь в эмиграции, последний с ностальгией писал об училищных годах: «Постановка военного воспитания и образования в военных училищах старой Императорской России была настолько хороша, что, по справедливости, она может служить образчиком и на будущее время, когда Россия освободится от оков коминтерна и станет прежней благоденствующей страной, под сенью которой находили приют и благополучие все народы ее населяющие... Начальником Оренбургского казачьего училища в мое время был терский казак, Генерального штаба генерал-майор Слесарев²²¹. По своему образованию, знанию и любви к порученному ему делу это был выдающийся офицер, который пользовался большим уважением и любовью своих питомцев. Инспектором классов был ученый артиллерист, окончивший Михайловскую артиллерийскую академию, полковник Михайлов, а его помощником – войсковой старшина Дутов, впоследствии Войсковой атаман Оренбургского казачьего войска и известный деятель Белого движения. Грозой юнкеров был преподаватель математики, артиллерийский подполковник и академик Дмитрий Владимирович Нарбут – строгий педагог, исключительных знаний и дарований. Командовал сотней юнкеров Терец, Войсковой старшина Бочаров. Он также окончил Академию Генерального штаба, и потому, помимо руководства чисто строевой подготовкой юнкеров, он вел также курс

военной администрации. Тактику нам читал Генерального штаба подполковник [А.А.?] Веселаго, талантливый лектор и веселый в компании человек. Помимо внедрения в наши головы чисто научных истин он, при случае, руководил нашим светским образованием. Воспоминания об училище уносят в даль былого величия и благополучия нашей родины и вселяют уверенность в неизбежность ее возрождения»²²².

Ф.И. Елисеев также в годы эмиграции вспоминал о своем пребывании в училище и деятельности в нем Дутова:

«В течение моего трехлетнего пребывания в Оренбургском военном училище – он был помощником инспектора классов и преподавателем тактики, топографии и конно-саперного дела.

Среднего роста, со спокойным, слегка одутловатым лицом, как будто с примесью татаро-монгольской крови, с плавными движениями, чуть склонный к полноте, есаул самого обыкновенного внешнего вида, он совершенно не производил впечатления – ни «выдающегося», ни даже «строєвого» казачьего офицера.

Молчалив, спокоен, скуп на слова – он был скромн, а как лектор краток и точен, словно математик.

При входе его в класс отчетливая юнкерская команда «Встать! Смирно!» будто смущала его. Мягко улыбнувшись и скромно поздоровавшись: «Здравствуйте, господа!», он немедленно приступал к своей лекции.

Он не любил многословия в ответах и всегда молча слу-

шал юнкера.

Всегда одинаково ровный и неторопливый и с юнкерами, и с офицерами, и со своими начальниками, он подкупал нас этим, выявляя себя офицером авторитетным, независимым.

Он был бессменным ктитором училищной церкви, заботливым об этой святыне и таким скромным при отправлении этих своих обязанностей, что мы – церковный хор юнкеров, подчиненный ему, – мало чувствовали в нем своего начальника, а скорее – старшего товарища.

Традиционные училищные вечера-балы, происходившие неизменно под его руководством, шли так же дружно и сердечно, без всякого применения воинской дисциплины, но словно «по-семейному», как это бывает у отца со своими взрослыми сыновьями.

И никогда и ни в чем у него не было ни повышенного тона, ни «цукания». А если что надо было серьезное – он терпеливо расскажет, покажет, переспросит непонимающего и повторит вновь.

Всякое его распоряжение – было свято для юнкеров.

В юнкерских лагерях он проходил с нами практический курс конно-саперного дела. Рвали пироксилиновыми шашками все то, что потребовалось бы на войне. И как мы восхищались, когда в реке, после взрыва фугасов, на поверхности воды появилась в большом количестве оглушенная рыба, плававшая на боку, и когда он с нами на лодке быстро бросался вперед и круто свесившись через борт, с неподдель-

ным юношеским задором и веселием, хватал ее руками, весь заплескиваясь водой. Он тогда был среди нас самым обыкновенным человеком.

Летом, в трехнедельном походе по станицам Оренбургских казаков, его часто можно было встретить на улице за просто разговаривающим со стариками и казачками. И тогда «юнкерское отчетливое козыряние», видимо, стесняло его.

«Атаман Дутов умел хорошо говорить с казаками», – обмолвился о нем в своей книге «Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками» генерал Акулинин²²³.

Всегда запросто одетый в обыкновенный офицерский китель и бриджи с голубыми войсковыми лампасами, он не производил впечатления «ученого офицера» и меньше всего будущего Казачьего вождя – Атамана! Такова натура всех скромных и благородных людей»²²⁴.

Свидетельство Елисеева еще раз демонстрирует отсутствие в Дутове задатков будущего вождя и простоту его образа жизни в период службы в училище.

В этот, наверное, самый спокойный в жизни Дутова период у него родились еще две дочери: Надежда (12 сентября 1909 г.) и Мария (22 мая 1912 г.). Восприемниками Надежды стали подъесаул лейб-гвардии Сводно-казачьего полка Григорий Степанович Бунтов и жена есаула Оренбургского казачьего войска Лидия Павловна Доможирова (урожденная Дутова, кузина Александра Ильича²²⁵), Марии – со-

стоящий на льготе подъесаул Оренбургского казачьего войска Петр Николаевич Кручинин и жена состоящего на льготе есаула Оренбургского казачьего войска Александра Алексеевна Мельникова. Младшая дочь Елизавета также родилась в Оренбурге (восприемники – Генерального штаба капитан Николай Тимофеевич Сукин и жена войскового старшины Оренбургского казачьего войска Лидия Павловна Доможирова), но уже во время Первой мировой войны – 31 августа 1914 г.²²⁶ У Дутова был и сын Олег, однако документы о его рождении мне неизвестны, можно лишь однозначно утверждать, что родился он в 1917–1918 гг.²²⁷ Дутову, очевидно, нравилась именно такая спокойная, размеренная и предсказуемая жизнь провинциального офицера. Годовой доход будущего атамана на 10 января 1913 г. составлял: жалованье – 800 руб., столовые – 800 руб., квартирные – 320 руб. 25 коп. Всего – 1920 руб. 25 коп. (в среднем – 160 руб. в месяц)²²⁸. При стоимости пуда пшеничной муки в 2,5 руб., мешка картофеля в 1 руб., фунта мяса в 10–12 коп., бутылки водки в 30 коп., бутылки коньяка в 1,5 руб., пары ботинок в 5–8 руб., пары яловых сапог в 7 руб. подобный оклад позволял существовать достаточно свободно. Для сравнения: зарплата квалифицированного рабочего составляла в среднем 90 руб., служащего – 85,5 руб.

Своей деятельностью в училище Дутов заслужил любовь и уважение со стороны юнкеров, для которых он сделал очень

много. Помимо образцового выполнения своих должностных обязанностей, Дутов организовывал для юнкеров спектакли, концерты и вечера. По свидетельству официальной биографии Дутова, «его лекции и сообщения всегда были интересны, а справедливое, всегда ровное отношение снискало большую любовь юнкеров. И ныне многие его ученики вспоминают с благодарностью наставления и советы А.И. В момент поступления А.И. в училище последнее принял К.М. Слесарев. Училище было запущено, особенно инвентарь, описи были в хаотическом беспорядке, учебное имущество и библиотека содержались отвратительно. Огромную помощь в учебном деле начальнику училища оказал А.И. Дутов. Бывшие юнкера рассказывали, что в первые годы принятия должности А.И., засучив рукава и одев фартук, сам перетирал, мыл, исправлял и подклеивал учебное имущество, до глубокой ночи засиживаясь в училище и приводя все в порядок. Любовь к порядку и аккуратности особенно сказалась на службе в училище. В первый же год имущество все было строго проверено, систематизировано, были составлены каталоги и описи. Работа А.И. в училище многократно оценивалась и отмечалась в приказах. За всю службу, по свидетельству сослуживцев, А.И. ни разу не опоздал на службу и ни разу не ушел со службы ранее назначенного срока... А.И. всегда был устроителем всех спектаклей, концертов, вечеров, украшал и декорировал залы и комнаты, выказывая огромную изобретательность и тонкий вкус»²²⁹.

За свои труды Дутов в декабре 1910 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени, а 6 декабря 1912 г. в возрасте 33 лет произведен в войсковые старшины. Для сравнения: его отец получил тот же чин только в 47 лет²³⁰. Добавлю, что, по статистике 1892 г., средний возраст подполковников (армейский чин, соответствовавший чину войкового старшины в казачьих войсках) составлял 45 лет²³¹. Таким образом, можно сделать вывод о достаточно успешном продвижении Дутова по службе.

В октябре 1912 г. для приобретения годового ценза командования сотней его командировали в 5-ю сотню 1-го Оренбургского казачьего полка, дислоцированного в Харькове, был ли у него выбор в этом вопросе – неизвестно, однако это цензовое командование и знакомство с графом Ф.А. Келлером впоследствии кардинально изменили жизнь Дутова. «В службе сего штаб-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к оному», – гласила стандартная формулировка из его послужного списка, составленного в Харькове 24 января 1913 г.²³²

В приказе по 10-й кавалерийской дивизии от 28 января 1913 г. ее начальник генерал-майор граф Ф.А. Келлер отметил, что, посетив 27 января казармы учебной команды, 5-й и 6-й сотен 1-го Оренбургского казачьего полка, «несмотря на то, что непосредственно перед моим приездом в назван-

ные сотни в них прибыли с железных дорог сменные команды молодых казаков с их лошадьми, я застал как казармы, так и конюшни совершенно готовыми к их принятию. Молодых казаков я застал уже за *обедом*, который был изготовлен раньше обыкновенного времени; в казармах для каждого молодого казака была уже приготовлена койка с набитым тюфячком, подушкой и одеялом; баня для мытья после дальней дороги была заказана; одним словом, полковым и сотенным начальством были приняты все меры для того, чтобы молодые казаки сразу почувствовали себя в родной, заботящей[ся] о них семье... ставлю такое отношение к важному воспитательному делу в пример всем полкам дивизии и надеюсь, что в будущем году я увижу такое же отношение к молодым солдатам, прибывающим в регулярные полки»²³³. В приказе объявлялась благодарность Дутову и другим офицерам полка. И надо сказать, что благодарность Келлера, слава которого гремела по всей русской коннице, значила немало.

В приказании № 15 по 10-й кавалерийской дивизии от 24 августа 1913 г. сообщалось, что во время учений «как пример отличной работы разведывательных частей необходимо указать на работу 5-й сотни 1-го Оренбургского казачьего полка под командой Войскового Старшины Дутова (здесь и далее – разрядка документа. – А. Г.), которая была от красного отряда с задачей произвести разведку в районе р. Тетлеги – с. Заражное – с. Каменная Яруга. Войсковой Старшина Дутов, перейдя Донец вброд, не обнаружен-

ный противником, произвел отличную и обстоятельную разведку всех частей неприятельского отряда. Трудную задачу по доставке донесений организовал настолько обдуманно и удачно, что все донесения, несмотря на то, что Донец был занят охранением противника, были своевременно доставлены начальнику отряда. Условия разведки были очень тяжелые, и поэтому отличные результаты могли быть получены только при самой тщательной продуманности всех действий и дружной работе...»²³⁴. За организацию разведки Дутов был вновь удостоен благодарности начальника дивизии. И наконец, в октябре – ноябре 1913 г. за разведку во время маневров Дутов, уже после того, как он сдал свою сотню и возвратился в Оренбург, получил благодарность командира X армейского корпуса (приказ войскам X армейского корпуса № 131 от 21 октября 1913 г.) и третью благодарность начальника дивизии графа Келлера (приказ по 10-й кавалерийской дивизии № 147 от 9 ноября 1913 г.). Известно, что 1-й Оренбургский казачий полк был любимым полком Келлера²³⁵, и не исключено, что кратковременный период пребывания в полку Дутова послужил Келлеру очередным доказательством правильности своего выбора. Верным был и выбор самого Дутова, который за время пребывания в дивизии Келлера, самым серьезным образом готовившего свои части к предстоявшей войне, смог почерпнуть для себя как для кавалерийского офицера много полезного.

Об этом периоде жизни Дутова его официальная биогра-

фия сообщала: «Командование было блестяще; казаки любили своего командира и, по отзыву казаков, рады были для него сделать все возможное... Память у Атамана феноменальная; и теперь (в 1919 г. — А. Г.), встречая своих бывших сослуживцев, А.И. всегда узнает их и называет по фамилиям. Окружающие Атамана лица поражаются его наблюдательностью и памятью. Казаки 5-й сотни 1-го Оренбургского казачьего полка до сих пор называют А.И. своим отцом-командиром; ни одного казака им не отдано под суд, но дисциплина и служба его сотни были образцовыми. Среди офицеров А.И. пользовался тоже большим уважением; всегда выбирали его в суд чести, в хозяйственно-распорядительный комитет и другие выборно-почетные должности»²³⁶. В приказе по 1-му Оренбургскому казачьему полку № 292 от 19 октября 1913 г. отмечалось, что, «командуя сотней в течение года, Войсковой Старшина Дутов (здесь и далее — разрядка документа. — А. Г.) показал себя не как начинающий, а как настоящий командир сотни. Энергия, большая трудоспособность и выносливость, которые проявлял Войсковой Старшина Дутов в течение всего времени прикомандирования к полку, заставляют меня от лица службы благодарить этого Штаб-офицера и желать, чтобы в будущем он так же ревностно и заботливо относился к службе для несомненной пользы нашему дорогому военному делу»²³⁷. Приказ подписал командир полка полковник Л.П. Тимашев. По истечении срока командования Дутов сдал сотню (16 октября 1913 г.)

и вернулся в училище, где прослужил до 1916 г.

В 1914–1915 гг. Дутов помимо военной службы состоял действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии, уже выпустившей к 1914 г. 30 томов своих научных трудов²³⁸. По данным В.М. Войнова, полученным, судя по всему, от старожилов (Войнов писал об этом со слова «рассказывают»), Дутов, будучи членом комиссии, собирал материалы о пребывании в Оренбурге А.С. Пушкина²³⁹. История для Дутова была одной из любимых наук. Дочь полковника Оренбургского казачьего войска П.Н. Корелина, А.П. Царицынцева, учившаяся в Оренбургском институте имени Николая I (Николаевский женский институт благородных девиц), вспоминала, что в 1918 г., уже будучи Войсковым атаманом, на уроках физики и истории в ее выпускном классе присутствовал Дутов. «Знакомился с преподаванием предметов, со степенью знания их учащимися. Это его любимые дисциплины. Метил нас направить в казачьи школы учителями-предметниками»²⁴⁰. В то же время членство в ученой архивной комиссии давало Дутову возможность неформальных контактов с элитой войска и губернии, поскольку попечителем комиссии являлся сам оренбургский губернатор и Наказный атаман Оренбургского казачьего войска²⁴¹, а кроме того, в комиссии состояли многие оренбургские чиновники.

Великая война

В годы Первой мировой войны казачьи войска поставили под ружье около 370 000 человек, служивших в составе 164 конных казачьих полков, 4 дивизионов, 30 пластуных батальонов, 64 батарей, 177 отдельных и особых сотен, 79 конвоев полусотенного состава, казачьих запасных частей. Свыше 120 000 казаков (практически каждый третий) были удостоены георгиевских наград. Около 45 000 казаков были убиты, ранены, пропали без вести²⁴².

С началом Первой мировой войны Оренбургское казачье училище перешло на четырехмесячный курс обучения и стало осуществлять ускоренный выпуск офицеров военного времени с чином прапорщика. Впрочем, это уже были далеко не те воспитанники, что в довоенное время. Это, в частности, видно из следующего эпизода. Летом 1915 г. Дутову и другим училищным офицерам пришлось участвовать в разбирательстве инцидента, произошедшего между двумя юнкерами. Дело состояло в том, что юнкера майского приема отработывали 13 августа в конном строю приемы владения холодным оружием, причем взводный портупей-юнкер 23-летний кубанец М.М. Каплин обозвал 18-летнего юнкера Н.В. Дмитренко «жидом», последний счел себя оскорбленным и слегка ударил обидчика шашкой плашмя по спине, тот недолго думая с силой ударил Дмитренко шашкой по лицу,

однако Дмитренко правой рукой сумел закрыться, причем в результате порезал указательный палец, однако Каплину этого показалось мало, и он ударил Дмитренко кулаком по лицу. Однако только дракой дело не ограничивалось – Дмитренко затронул весьма болезненный в армейской среде вопрос финансовых взаимоотношений. По его заявлению, Каплин брал деньги в долг и не отдавал, бесплатно пользовался извозчиками за счет других юнкеров.

21 августа 1915 г. офицеры училища обсудили происшествие на заседании дисциплинарного комитета, велась стенограмма выступлений. Многие, заботясь о чести мундира и стремясь по армейской традиции поддержать старшего по званию, оправдывали действия портупей-юнкера. Говорили, что Каплин слишком требователен и это не нравится юнкерам, Дмитренко же плох по строю, слабовольный, недисциплинированный, к тому же клеветник, т. к. не имел доказательств непорядочности Каплина. В то же время звучали обвинения и в адрес портупей-юнкера, которого считали властным. В целом из десяти училищных офицеров лишь трое старших выступили за Дмитренко, священник Вишневский считал необходимым наказать обоих одинаково, и начальник училища Генерального штаба генерал-майор К.М. Слесарев постановил арестовать Дмитренко и посадить на гауптвахту, а Каплина лишить звания портупей-юнкера и перевести в третий разряд по поведению, что автоматически лишало его офицерского чина прапорщика при выпуске и давало лишь

чин урядника. Отмечалось, что в мирное время оба были бы отчислены от училища без права повторного зачисления.

Ответ войскового старшины Дутова контрастировал с общим фоном высказываний: «...старший был плохой, постоянные недоразумения с юнкерами; затем неаккуратный и беспорядочный. Никогда не берет сам книг или пособий, а всегда приводит с собой юнкера, который и несет все; изображал из себя Каплин уже офицера и большого барина. Нет никакой гарантии, что Каплин в будущем по отношению к казакам не будет так же внушать уважение к себе и кулаком поддерживать свой авторитет... Инцидент с извозчиком (так в документе. – А. Г.) рисует прямо наглое направление характера. Чрезвычайно самовластный, деспотичный характер. Такому нельзя давать власть, тем *более* над своими товарищами-офицерами...»²⁴³. В то же время Дутов считал необходимым арестовать Дмитренко на пять суток после производства «дабы подчеркнуть его мальчишеское отношение к вопросам товарищеских отношений между будущими офицерами»²⁴⁴. Дутов, как представляется, рассудил справедливо. Его ответ, на мой взгляд, весьма показателен – будущий атаман, в отличие от своих коллег, не стал выгораживать старшего, а пытался решить дело по справедливости.

Несмотря на попытки училищного начальства оставить Дутова при училище, он в 1916 г. добился возможности пойти на фронт, отправившись 20 марта в уже знакомый 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества На-

следника Цесаревича полк (шефство Наследника Цесаревича полк получил одновременно со 2-м Донским казачьим полком 21 января 1914 г.²⁴⁵). Как говорили, Дутов собрался в три дня и уехал к полку.

Обстоятельства отъезда Дутова на фронт и причину, по которой он в 1914–1915 гг. оставался в Оренбурге, описал в своих воспоминаниях Наказный атаман Оренбургского казачьего войска Генерального штаба генерал-лейтенант М.С. Тюлин. Он отметил, что в период его атаманства было много «хлопот и неприятностей в деле назначения сотенных, полковых и бригадных командиров. Интриги, ходатайства на местах и в центре [–] Петербурге, но я не очень уступал и на некоторых примерах видел, что хорошо делал. Например, история с Дутовым, в революционное время так много нашумевшим и погибшим, но уже в роли Наказного атамана по выборам²⁴⁶. Он был помощник инспектора классов в Оренб[ургском] казачьем училище, окончил академию Генерального Штаба по 2 разр[яду]. Начальн[ик] училища его хвалил, толь[ко] Войсковой штаб не пускал его на войну, оттого, что он кончил академию, у них у всех, выслужившихся из нижнего звания, какая-то вражда к людям своим, получившим образование. Он приехал меня просить о назначении в действующую] армию, я обещал, но сказал, что есть вакансии в 1 полку в див[изии] у гр[афа] Келлера²⁴⁷, [–] человека, не берегущего людей, и у него колоссальные поте-

ри убитыми и ранеными, и он очень требователен. Дутов с удовольствием согласился, и я его назначил. Через несколько месяцев он приехал весь израненный лечиться и уже с Георгиевским] оружием²⁴⁸, поправился и опять поехал. Через некоторое время получил Георг[иевский] крест²⁴⁹, а командир полка, раненный, выбыл из действующей] армии. Гр[аф] Келлер пишет мне письмо и просит назначить Дутова командиром полка, значит, заслужил, да еще у такого требовательного начальника] дивизии. Затем он во время революции выдвинулся, и после Мальцева...²⁵⁰ выбран был Дутов, который вел борьбу с красной армией и был убит»²⁵¹. Тем не менее почему он не смог пойти на фронт в 1914–1915 гг. – все же не вполне ясно. Не исключено, что Дутов ожидал подходящей вакансии, но в любом случае такое поведение будущего Войскового атамана не свидетельствует в его пользу, на фронт он явно не рвался.

1-й Оренбургский казачий полк можно назвать одним из лучших полков Оренбургского казачьего войска периода Первой мировой войны. Уже к декабрю 1915 г. в полку было пять кавалеров ордена Св. Георгия 4-й степени, шесть кавалеров Георгиевского оружия, 609 казаков полка были награждены Георгиевскими крестами, 131 человек удостоен Георгиевских медалей. К этому времени полк захватил 1200 пленных, 4 орудия, 15 патронных двуколок, около 200 ружей, 42 походные выючные кухни, много повозок обоза и

т. д. При осмотре полка 18 марта 1916 г. Походный атаман всех казачьих войск великий князь Борис Владимирович отметил, что «вид людей отличный; выправка молодежата. Одеты хорошо. Вооружены со времени действий под Перемышлем отлаженными австрийскими винтовками системы Манлихера и металлическими пиками. Лошади – киргизы – небольшие, но крепкие; тела и чистка в отличном состоянии»²⁵².

На момент прибытия Дутова в действующую армию полк сражался с австрийцами в составе 10-й кавалерийской дивизии III кавалерийского корпуса 9-й армии генерала от инфантерии П.А. Лечицкого. 29 марта полк лично приветствовал император Николай II, затем казаки получили отдых, а с 6 апреля несли охрану государственной границы по реке Прут²⁵³.

Армия Лечицкого располагалась на левом фланге Юго-Западного фронта, левый фланг армии прикрывал III кавалерийский корпус генерал-лейтенанта графа Ф.А. Келлера, а левый фланг корпуса – 10-я кавалерийская дивизия, в состав которой входил полк Дутова. Таким образом, действовать Дутову пришлось на крайнем левом фланге всего Восточного фронта, возле самой румынской границы. 9-й армии при подготовке главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта генералом от кавалерии А.А. Брусиловым наступления 1916 г. отводилась вспомогательная роль. Сам Лечицкий принял решение сначала разгромить противника

в Буковине, после чего наступать в сторону Карпат и затем перенести удар в Заднестровье.

На фронте Дутов сформировал и с 3 апреля 1916 г. возглавил стрелковый дивизион 10-й кавалерийской дивизии. Что представляло собой и в связи с чем было создано это необычное формирование? Незадолго до прибытия Дутова на фронт приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего Генерального штаба генерала от инфантерии М.В. Алексеева от 5 марта 1916 г. за № 296 было предписано: «Сформировать при каждом кавалерийском полку особый стрелковый (пеший) эскадрон согласно объявляемому при этом штату. В каждой кавалерийской дивизии означенные эскадроны свести в дивизионы (штат управления при этом объявляется), с придачей последним по одной пулеметной команде, вооруженной пулеметами системы Кольта. При управлениях дивизионов устанавливаются команды для связи... Снаряжение для нижних чинов стрелковых дивизионов и эскадронов устанавливается пехотного образца; винтовки – той же системы, что и в полках данной дивизии. Офицеры в стрелковые эскадроны назначаются из соответственных кавалерийских полков; командиры дивизионов, адъютанты и начальники команд для связи – из состава данной дивизии. Нижними чинами стрелковые эскадроны пополняются из числа: 1) строевых данного полка, временно не имеющих лошадей; 2) назначаемых из запасных кавалерийских полков и 3) недостающее число – из запасных баталионов

фронта»²⁵⁴. В стрелковом эскадроне кавалерийского полка по штату полагалось 4 офицера, 236 строевых и 15 нестроевых нижних чинов, 11 обозных лошадей. Управление стрелкового дивизиона кавалерийской дивизии по штату должно было включать 3 офицеров, 3 чиновников, 24 строевых и 22 нестроевых нижних чина (управление и команда связи), 11 верховых и 13 обозных лошадей.

Приказом № 617 от 9 мая того же года походная кухня таких подразделений могла быть пехотно-артиллерийского образца²⁵⁵. 7 декабря 1916 г. был издан еще один приказ, согласно которому при каждом кавалерийском полку предписывалось содержать уже не по одному, а по два стрелковых эскадрона, а стрелковые эскадроны кавалерийских дивизий свести в шестиескадронные стрелковые полки. При всех казачьих дивизиях требовалось сформировать по одному трехсотенному стрелковому дивизиону, штаты оставались прежними. На формирование дивизионов обращались нижние чины пехоты переменного состава запасных частей соответствующих фронтов, офицеры из полков дивизии. Личный состав подобных формирований носил обмундирование пехотного образца, шифровки своей дивизии, имея на вооружении винтовки той же системы, что и в полках дивизии²⁵⁶. По всей видимости, создание стрелковых эскадронов явилось закономерным результатом невозможности широко использовать в условиях позиционной войны весьма многочис-

ленную в русской армии конницу.

Вскоре после окончания формирования дивизион Дутова отличился в боях на реке Прут. Русским войскам на этом участке противостоял сильный II австро-венгерский корпус. На рассвете 22 мая 1916 г. 9-я армия перешла в наступление. В журнале военных действий 1-го Оренбургского казачьего полка отмечено, что переправа через Прут происходила 28 мая 1916 г. под сильным артиллерийским огнем. Казаки переправлялись через реку вброд, мосты были взорваны, причем на реке было сильное течение, а вода, по свидетельству участников переправы, в результате весеннего половодья была выше пояса (вероятно, переправлялись верхом)²⁵⁷. В ночном бою при переправе через Прут стрелковый дивизион Дутова взял линию окопов и удерживал ее в течение двух суток до смены, потеряв 50 % нижних чинов и 60 % офицерского состава. Будучи контуженным, войсковой старшина Дутов остался в строю и в цепи до конца боя и ушел после смены последним²⁵⁸. К сожалению, на первом этапе операции стратегической коннице Келлера была отведена лишь пассивная роль обеспечения левого фланга армии и фронта, что, по мнению русского военного историка А.А. Керсновского, было большой ошибкой²⁵⁹. Тем не менее операция развивалась успешно. Потери противника достигали 60 000 человек убитыми, ранеными и пленными. 9-я армия потеряла до 30 000 человек. После занятия 5 июня Черновиц удар-

ная группа армии была остановлена на линии реки Прут для перемены операционного направления, а для преследования отступавшего противника (южная группа 7-й австро-венгерской армии генерала К. фон Пфланцер-Балтина) были выделены III кавалерийский и Сводный корпуса. В результате запоздалого подключения III корпуса к активным действиям австрийцы не были отрезаны от Карпат, а лишь оттеснены к ним и заняли упорную оборону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.